

МАРК АГАТОВ

**УБИЙСТВО
НА
КАЗАНТИПЕ**

Марк Агатов

Убийство на Казантипе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18151578

ISBN 9785447467456

Аннотация

Победительницу конкурса красоты врача-психиатра Алису Ковалеву «закодировали на смерть» на второй день ее работы в психбольнице города Казантипа. Вначале молодая мать и любимая жена не поняла, что с ней произошло в квартире насильника и убийцы Лугового. И только через несколько лет она осознала, что стала жертвой своего упрямства.

Содержание

История первая. Убить миллионера	6
Семейная пара Бзежинских	10
Белая и пушистая	13
Особняк на Пролетарской	22
Кодирование	25
Супружеский долг	29
Приступ ревности	31
Психи – будущее Окраины	34
Погром в хирургии	36
Доктор Фридман	42
Секс в машине	59
Инженер Свистунов	61
На Окраине будет все, как в Европе	65
В хирургии	67
Вторая ночь в крепости	72
Ночная любовь	75
Книга о гипнозе	78
Поцелуи у ворот психбольницы	80
Встреча с колдуном	85
Страшная тайна казантипского пятиугольника	95
Телефонный разговор	99
Поездка в Краснолиманск с колдуном	101
Игра в любовь	110

10000 долларов за «Эликсир любви»	117
Разговор в машине о любви	122
Кто позвонил мужу Алисы?	125
Муки ревности	128
Компромат на Алису	136
Разговор с главврачом о «голубых»	139
Спецоперация «голубой журналист»	144
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Убийство на Казантипе

Марк Агатов

Редактор М. Ильин

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

© Марк Агатов, 2018

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2018

© Марк Агатов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-6745-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая. Убить миллионера

Среди героев романа есть реальные люди и придуманные автором. Они носят разные фамилии, имена и могут быть похожими на ваших соседей, сослуживцев, знакомых, политических деятелей Окраины и агентов ЦРУ. Но это, конечно же, не они. И чтобы потом не было ненужных разговоров, жалоб и заявлений в суд, автор официально заявляет, что любое совпадение фамилий, имен, географических названий, фирм, организаций, аэропортов и всего остального, что не попало в этот список, – СЛУЧАЙНЫ.

Интерьер. Зрительный зал современного кинотеатра.

Титры на экране: «Сумасшедшие на свободе...».

Окраина. Бандитские девяностые».

Титры идут на фоне подъезжающей к пятиэтажному дому автомашины «Волга».

Водитель выскакивает из машины и услужливо в полупоклоне отрывает заднюю дверцу. Из машины важно выходит мужчина средних лет. На нем дорогой костюм, золотые часы, золотая массивная цепь на шее. В руках он держит кожаную папку. В этот момент к машине подбегают двое муж-

чин. На них рабочие спецовки, красные строительные каски, перчатки. «Строители» жестоко избивают водителя и пассажира, раздевают их догола, в рот каждому засовывают кляп, руки связывают и жертвы заталкивают вниз головой в мусорные баки. После чего «Волга» на огромной скорости несется по улицам ночного города, подъезжает к трехэтажной даче у моря. Водитель сигналил фарами. Сторож открывает ворота. Из машины выскакивают те же «строители», избивают пьяных охранников дачи. После чего раздевают их догола, связывают и бросают в мусорные баки головой вниз.

Надпись на экране: Окраина. 2014 год. Разгул демократии в Кувее.

Документальные кадры столицы этой страны. Озверевшая толпа заталкивает в мусорные баки народных депутатов Окраины.

Крупный план. Безумные лица мужчин, которые участвовали в обеих акциях.

Идут титры: «СУМАСШЕДШИЕ НА СВОБОДЕ».

Голос за кадром: «Разбойное нападение на миллионера из Казантипа.

Сегодня в 4 часа утра возле собственного дома были жестоко избиты и изнасилованы в извращенной форме при помощи подручных средств первый миллионер Казантипа Сер-

гей Сергеевич Сергеев и его водитель.

По словам потерпевших, на них напали двое строителей в касках. Нападавшие похитили личные вещи, деньги и автомобиль «Волга» господина Сергеева. В эту же ночь на его даче до полусмерти были избиты три сторожа. Они также были доставлены в травматологию с тяжелыми травмами».

Интерьер. Кабинет в милиции. За столом сидят три сотрудника уголовного розыска Журавлев, Канарейкин и Шестаков.

Дочитав до конца заметку, капитан милиции Журавлев положил на стол «Казантипскую неделю» и, бросив взгляд на своих подчиненных, спросил: «И какие у кого мысли на эту тему появились?».

Канарейкин

До этого Сергеев пытался изнасиловать Алису из страны чудес, но не смог по независящим от него причинам. После чего он передал строптивного психиатра охранникам дачи, которые утверждают, что они ничего плохого доктору не сделали.

Журавлев

Осушив стакан с водой.

– Старший лейтенант Канарейкин, а вы не могли бы объяснить, что имели в виду потерпевшие охранники под словами «ничего плохого они доктору не сделали».

Канарейкин

– Насколько я понял из беседы с ними, «ничего плохого» – это групповое изнасилование с нанесением тяжких телесных повреждений.

Журавлев

Наливая второй стакан

– Ну, и где эта докторша?

Канарейкин

– Ни дома, ни в больницах, ни у любовника мы ее не нашли.

Журавлев

Осушив второй стакан.

– Значится так, фразу одну вспомнил из характеристики: «В пьянстве замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду». Это про меня, а для вас будет другая летучая мысль: «Ищите женщину». Канарейкин займется любовником докторши, а Шестаков – мужем. Вопросы – есть? Вопросов – нет. Завтра к одиннадцати жду с любовным романом обоих в этом кабинете. Форма изложения – художественная, желательно, с картинками и фотографиями всех участников. Остальные версии будут обрабатывать более опытные товарищи из прокуратуры.

Семейная пара Бзежинских

В аэропорту Краснолиманска польского профессора Казимира Бзежинского встретил неприметный мужчина средних лет.

– С приездом, профессор. Машина ждет вас, – проговорил он, снимая с тележки два огромных чемодана.

– Ядвига, знакомься. Это Зиновий Говоров, наш технический помощник, – представил мужчину Казимир. – Водитель, фотограф и по совместительству завхоз.

Зиновий пожал протянутую руку и стал бесцеремонно разглядывать женщину. На вид ей было не больше сорока. Большая грудь, узкая талия и широкие бедра – это были ее плюсы. А вот узкий рот и длинный горбатый нос – на большого любителя.

«На очень большого любителя!» – отметил про себя Зиновий. Начальник отдела кадров Клара Пшышка из центрального офиса в Варшаве накануне предупредила Говорова о высокой толерантности Ядвиги Бзежинской к мужчинам.

– У нее при живом муже – сотня любовников. Если положит на тебя глаз – делай, что скажет, не выдалбывайся! А то с работы вылетишь в два счета. Ты у нее в прямом подчинении.

«С таким носом, и сотня любовников, – засомневался Го-

воров. – Любят же эти бабы приврать. Да кто на нее позарится на трезвую голову. Да и мне столько не выпить».

Говоров поставил чемоданы в багажник белых «Жигулей» и, усадив рядом с собой Ядвигу, сообщил:

– В Краснолиманске я снял для вас двухэтажный частный дом с подвалом и тремя выходами на разные улицы. А также номер «Люкс» в гостинице «Центральной» для офиса благотворительного фонда и личных встреч с жителями Краснолиманска.

– Поехали дом осваивать, – приказала Ядвига, бесцеремонно положив свою руку на колено водителя. – Думаю, что мы сработаемся, Зиновий! Задача номер один, которую перед нами поставило руководство, – создание благотворительного фонда в области медицины, для финансирования национальной программы «Психическое здоровье нации». В ближайшие дни мы должны привлечь к этой работе местных психиатров, набрать волонтеров и составить списки душевнобольных, нуждающихся в помощи фонда. Эту работу мы начнем с Казантипа. У тебя там знакомые есть?

– Психиатров знакомых нет. Можно подъехать к главврачу психбольницы. Думаю, не откажет. Деньги сейчас всем нужны. Тут только одна проблема, они не могут разглашать информацию о тех, кто состоит на учете в психдиспансере, – пояснил Говоров, выезжая на объездную дорогу.

– Никто ничего разглашать не будет. Волонтерами у нас будут работать сами врачи-психиатры и медсестры в свобод-

ное от основной работы время, за приличные деньги, – пояснила Ядвига. Ее левая рука скользнула вверх по бедру водителя. – Думаю, никто из них не откажется от дополнительного заработка.

Белая и пушистая

Гарик опоздал на работу минут на пятнадцать. У входа в диспансер его встретила медсестра из регистратуры Елена Ивановна Кравчук. Ей было за пятьдесят, невысокая, полная, с кривыми ногами и плоским лицом.

– Лариса тебя убьет. Она уже пять раз звонила. Машина полчаса стоит. Тебя ждут, ваше святейшество.

– Что за паника? Свет перевернулся? – парировал Гарик. – Ты к Ларисе беги, она тебе сама все скажет, только халат надень и шапочку. Она уже на всех наорала за эти шапочки и косынки, – предупредила медсестра.

– Я что, в хирургии работаю, чтобы в шапочке ходить? Да и нет у меня ее. Дома забыл.

– Эта отмазка не пройдет. Халат и шапочку ты должен в раздевалке оставлять, а не таскать с собой. Она тут такой разгон устроила за халаты.

Гарик не спеша надел халат и пошел к выходу из диспансера.

– Гарик, стой! У тебя другой халат есть? – остановила его Кравчук.

– Зачем мне два халата?

– Этот короткий. Халат должен прикрывать колени, а у тебя куртка, а не халат.

– Зато в нем бегать хорошо и летом не жарко, – недоволь-

но бросил Гарик, направляясь в административный корпус.

Гарику было восемнадцать. Среднего роста, быстрый в движениях, типичный южанин с черными вьющимися волосами. Он нравился девчонкам, но серьезных отношений завести еще ни с кем не успел. Пробовали зацепить его внимание незамужние медсестры в больнице, но он никак не реагировал на эти предложения. Дамы в возрасте его не интересовали.

– Явился, не запылелся, – увидев санитаря, возмутилась Лариса Ивановна Иванова, главврач психбольницы.

Начальником она была строгим и жестким, а больше всего боялась хаоса и разболтанности. На вид ей было около сорока. Длинные черные волосы, стройная фигура гимнастки, правильные черты лица и огромные глаза делали ее весьма привлекательной. В молодости она танцевала цыганские и испанские танцы. Но красоту Ларисы Ивановны не замечал восемнадцатилетний санитар, для которого она была всего лишь старухой-начальницей.

– Ты когда на работу должен приходиться? – начала традиционную проработку подчиненного Лариса Ивановна.

– В три, – буркнул под нос Гарик.

– А сейчас три часа 27 минут. Это как понимать!? Машина полчаса стоит без дела, профессора ждет.

– Я зачет сдавал по хирургии.

– И что, сдал?

– Нет, – не поднимая глаз, тихо произнес Гарик.

– Теперь это что, твоя постоянная отмазка? Ты уже пятый раз опаздываешь на работу из-за зачета. А другого придумать ничего не мог?

– Я говорил хирургу, что мне на работу надо, а он меня на закуску оставил, последним.

– Хорошо, тут изверг хирург виноват, принимаю! А халат у тебя почему на десять сантиметров выше колен? Это тоже хирург, или у вас мода такая? Наклонился, и все, что скрыто, наружу вывалил.

– А что мне прятать, я в брюках хожу. Это медсестры колени должны прикрывать и все остальное, – возразил санитар.

– Завтра увижу в этом халате – уволю!

– Ну, я пошел?!

– Куда пошел?! Тебя машина уже полчаса ждет. К социально опасным поедешь, проверять.

– Пусть сестры ходят. Это их работа.

– С врачом поедешь. Побеседовать нужно с каждым больным. У нас помощник прокурора новый. Представление на горздрав написал, что мы не контролируем социально опасных больных, и один из них совершил убийство.

– Из-за Вареника шум подняли. Так я говорил участковому психиатру, что брать его надо. Я его в трамвае видел. Он в колготках женских ехал.

– Чего ж ты не взял его сам. Мог бы пригласить больного

в диспансер к доктору на беседу.

– У меня цветы в руках были. На день рождения девчонке в группу вез, а они денег стоят.

– Вот из-за твоей жадности человек погиб. Варенников соседку убил, Марию Павловну.

– Там соседка дура, она дразнила Вареника, психом обзывала. Я предупреждал, что Вареник ее убьет, а она не слушала умного человека. Вот и пострадала баба дурная.

– Так вот, из-за этой дурной бабы и твоей жадности пострадали мы все. Прокурор проверил амбулаторные карты социально опасных больных, а там ни одной врачебной записи за последние три месяца. Поедешь с врачом и за два дня осмотрите всех.

– 48 больных за два дня, на каждого по сорок минут. Это только на одном участке, а у меня зачет по хирургии, когда я готовиться буду. Пусть врачи сами едут. Зачем я им там?

– Ты хочешь, чтоб у меня еще и врача убили на вызове? – Лариса Ивановна подняла трубку и, набрав короткий номер, вызвала участкового психиатра.

Через несколько минут в кабинет балетной походкой вошла стройная красивая молодая женщина, натуральная блондинка в белоснежном нейлоновом халате. От нее пахло дорогими французскими духами.

«Белая и пушистая», – пронеслось в голове у Гарика. Он,

не отрывая глаз, смотрел на ее высокую грудь и осиную талию.

– Алиса Викторовна, я вас одну к таким больным посылать не могу, но раз вы изъявили желание, возьмите с собой санитара и будьте с ним поосторожнее, а то совсем разболтался, на работу опаздывает, халат в куртку превратил. Нужно подробно описать состояние каждого больного, чтобы нас потом не склоняли на каждом углу.

– Хорошо. Сделаю, – голос у врача был мягкий, бархатный и обволакивающий.

– Алиса Викторовна, на секунду останьтесь.

– Меня в машине найдете, – поднялся со стула санитар.

Гарик вернулся в диспансер, в процедурном кабинете взял длинное вафельное полотенце и направился к машине. По дороге его перехватила Кравчук.

– Фифу видел?

– Кого?

– Врачиху новую. Второй день на работе – уже порядки свои наводит. Курить персоналу у входа в диспансер запретила. Дурной пример больным подаем. Теперь по телефону в рабочее время вести можно только служебные разговоры. А куда вы едете?

– Социально опасных проведать.

– Она сама напросилась. Сегодня на планерке Лариса предписание прокурора зачитала, и разгон участковым сест-

рам устроила за то, что врачи социально опасных больных месяцами не видят. А эта фифа сама и напросилась. Она познакомиться с больными возжелала.

– У меня зачет по хирургии, когда я готовиться буду. Там в списке только по первому участку 48 человек.

– А всего – двести. Из них 162, отсидевшие за убийство и изнасилования, – продолжила Кравчук. – До конца жизни будешь ездить.

– Ладно, я пошел, а то сейчас искать начнут.

Когда Гарик подошел к медицинскому РАФику, Алиса Викторовна уже сидела рядом с водителем.

– И где вы прохлаждались? – недовольно спросила она.

– В диспансер ходил за инструментом.

– Зачем вам полотенце на поясе?

– Руки вытирать после рукопожатий с больными.

– Гарик, хочу вас предупредить, я противник любого насилия в отношении больных. Любого больного можно уговорить посетить диспансер. Подчеркиваю, любого.

– Вы где специализацию по психиатрии проходили после окончания мединститута? – перебил врача санитар.

– В Краснолиманске.

– Я понял, что не в Ялте. В каком отделении?

– В отделении неврозов. Еще вопросы есть?

– Есть. Вы замужем?

– Для вас это имеет значение?

– Конечно, с незамужней женщиной можно поговорить о жизни и склонить к созданию образцовой советской семьи.

– Со мной вы будете говорить только о работе! – повысила голос Алиса. – Теперь, слушайте инструктаж. Сейчас мы едем к Луговому Петру Ефимовичу. Я войду к нему в квартиру первой, а вы постоите за дверью. Я буду говорить с ним одна.

Водитель завел мотор, и медицинский автомобиль стал набирать скорость.

– У меня нескромный вопрос созрел, Алиса Викторовна, а о чем вы будете говорить с Луговым? Дело в том, что Петя Петушок отсидел за убийство и изнасилование восьми женщин. Двадцать лет назад его «опустили» в Краснолиманском СИЗО.

– Я знаю об этом. Его три месяца назад выписали из отделения для психохроников. А недавно соседи написали жалобу в горздрав.

– Получается, вы в курсе всего. А вы не боитесь пополнить список любимых женщин Лугового? Такая красивая, и туда же.

– Я доложу Ларисе Ивановне, что вы меня оскорбляли в присутствии водителя.

– Если вы это считаете оскорблением, тогда извините, погорячился, – улыбнулся Гарик. – У меня от одного вашего вида слова изо рта не те выскакивают. Такая красивая, и рядом со мной.

– Я старше тебя на шесть лет. Я врач, а ты всего лишь санитар, поэтому думай перед тем, как открыть рот в моем присутствии! – неожиданно взорвалась Алиса Викторовна. – Вот когда ты окончишь институт, получишь диплом врача, пройдешь специализацию, вот тогда мы будем говорить с тобой на равных. А пока ты никто и зовут тебя никак! И на таких женщин, как я, можешь даже не смотреть.

– Не надо так нервничать, доктор, – пошел на попятную Гарик. – Я просто хотел предупредить вас, что Лугового очень сильно возбуждают женщины модельного типа. А на блондинку к ужину он может среагировать весьма неадекватно.

– Обойдусь без твоих предупреждений!

Водитель затормозил у старинного двухэтажного дома. Алиса Викторовна, схватив карточку больного и молоточек невропатолога, первой выскочила из машины.

– Зверь баба! – покачал головой водитель. – Ты лучше не заводись с ней. Житья не даст, но красивая, спасу нет. Повезло кому-то, ее по шерсти надо гладить, и никогда не спорить.

– Ладно, я пошел, знаток хренов, – открыл дверь автомашины Гарик. – Машину загни во двор. Клиента тащить далеко придется.

– Ты что, забирать его будешь?

– А что с ним делать. Он соседку преследует. Полюбить

хочет, красивую, а когда она его послала, пообещал устроить конец света.

Первой в квартиру к убийце вошла Алиса Викторовна. Большая светлая комната была завалена всяким хламом. Сам хозяин возлежал на кровати в атласном женском халате. Увидев врача, он спустил ноги вниз и неожиданно заговорил стихами:

– Женщина, ваше величество, о, неужели ко мне.

О, ваш приход, как пожарище, душно и трудно дышать.

Так проходите, пожалуйста, что на пороге стоять.

– Я ваш новый доктор. Пришла познакомиться, лекарство выписать, – тихо произнесла Алиса. – На что жалуетесь?

– Лекарство, это хорошо, а новый доктор лучше. Вы ближе подойдите, а то я слышу плохо, – прошептал Луговой.

Алиса остановилась в метре от больного. Она была уверена, что своим видом очаровала убийцу. В этот момент открылась дверь, и на пороге появился санитар. Реакция больного была моментальной. Он выхватил из груды тряпок топор и замахнулся им на врача.

Особняк на Пролетарской

– Ты быстро-то не гони, – попросила Ядвига. – Я город хочу посмотреть. Это Казимир здесь жил уже, а я впервые на Украине.

– Справа от нас «Розочка», – сказал Казимир.

– «Розочка» – это что? – спросила Ядвига.

– Город сумасшедших. Там шестнадцать отделений на десять тысяч коек. Кстати, в этой больнице работает господин Старков.

– Это тот, который придумал «эликсир любви»? – уточнила Ядвига.

– Да. Наши эксперты признали это лекарство перспективным, но оно требует серьезной доработки. Надо будет встретиться с ним и передать заключение экспертов, – пояснил Казимир.

– К Старкову поедем вместе. Я на него хочу посмотреть. Довольно странный интерес у него проявился к женщинам на старости лет, – сообщила Ядвига.

– Ничего странного. Он не только психиатр, он еще и в кооперативе подрабатывает сексопатологом, поэтому и занялся этой темой, – пояснил Казимир. – Идея-то сама по себе неплохая. Старков попытался изготовить препарат для женщин, при помощи которого можно получать оргазм при общении с любым мужчиной, даже самым неопытным в этих

вопросов.

– И что, получилось в итоге, Казимир? Ты правду скажи! Пусть и Зиновий узнает! – возмутилась Ядвига, схватив водителя за причинное место.

– В итоге получилось не совсем то, что он хотел сделать.

– Он сделал совсем не то, что обещал, Казимир! У русских всегда так, что бы они не делали, в результате получается автомат Калашникова, – рассмеялась Ядвига. – Старков делал «эликсир любви», чтобы помочь женщинам, а сделал лекарство для насильников-извращенцев.

– Не спорю. «Эликсир» надо доработать. Мы испытывали его на польских проститутках в Варшаве. Женщина-то удовольствие получает, но сама в процессе практически не участвует. Она полностью обездвижена при полном сохранении сознания.

– Этот эликсир больше подходит насильникам, чем сексуально-озабоченным дамам. Я была против того, чтобы давать грант за этот препарат, но мужчины из нашей комиссии увидели перспективы для его использования в странах бывшего СССР. Еще бы, добавил несколько капель эликсира в чай, и дама уже не может сопротивляться. Это ж какая выгода! Не надо цветы дарить, конфеты, водить в ресторан и уговаривать «послушать музыку» у него дома. Раздевай, и пользуйся, сколько хочешь. В Европе такие лекарства попадают под запрет, – пояснила Ядвига.

– А на Украине запрещены только наркотики и яды.

«Эликсир любви» под этот запрет не попадает, потому что он не лекарство, а биологически активная добавка, БАД.

– Мы уже приехали, – сообщил водитель, въезжая во двор стоящей в некотором отдалении от других домов двухэтажной средневековой крепости с колонами. – Только не пугайтесь, это не средневековое старье, это новодел под старину. Внутри там современные апартаменты со всеми удобствами.

– А на воротах кто? – спросила Ядвига.

– Охрана из кооператива «Титан», если не понравятся – заменим на других. Я их предупредил.

– Это хорошо, что предупредил. Надо посмотреть на эту охрану. Теперь, о твоей работе. Завтра нам с тобой предстоит поездка в Казантип, а Казимир займется созданием такого же фонда в Краснолиманске. Рабочий день для водителя у нас начинается в 10 утра и заканчивается в 22 часа. Так что завтра я тебя жду к десяти утра.

Кодирование

Алиса стояла в метре от вооруженного топором безумца и не знала, что делать. Еще секунда, и страшное оружие могло обрушиться на ее голову.

Времени на размышления у Гарика не было, путь к больному преграждала врач, и тогда санитар в два прыжка подскочил к доктору, схватил ее левой рукой за волосы и со всей силы швырнул женщину под стол. Алиса Викторовна ничего подобного не ожидала от санитаря, и больно ударившись носом о ножку стола, заплакала.

Больной тут же попытался ударить топором санитаря, но промахнулся. Гарик, не теряя времени даром, пальцами правой руки со всей силы ткнул Луговому в глаза, после чего, набросив ему на шею полотенце, стал душить больного. Двухметровый детина рухнул на пол вместе с санитаром. Луговой отбивался до тех пор, пока у него изо рта не пошла кровавая пена и начались судороги. Санитар на минуту ослабил удавку, Луговой с шумом всосал внутрь спертый воздух и широко открыл глаза. Прямо перед ним в двадцати сантиметрах в окровавленном нейлоновом халате лежала красавица врач, которую он хотел приласкать топором. Кровь вытекала из ее разбитого носа тонкой струей. Женщина плакала и с ужасом смотрела на перекошенное злобой лицо убийцы.

– Доктор, сеанс метания топоров закончен, вы можете

встать и привести себя в порядок, – улыбаясь, проговорил санитар.

Женщина выбралась из-под стола. Ее белоснежный халат был залит кровью, по лицу текли слезы и кровь.

– Вы платочком зажмите свой прекрасный носик, а то мы тут утонем в вашей крови, – продолжал давать советы из-под стола Гарик.

С большим трудом санитару удалось вытащить на середину комнаты брыкающегося больного.

– Вам помочь? – тихо спросила Алиса. – Может, водителя позвать?

– У нас водитель из интеллигентов, белая кость. Его дело баранку крутить. Он сюда не пойдет.

– Почему?

– Потому что у каждого своя работа. Вы мужика возбудили, я – успокоил, а Костя сейчас во сне гуляет по Стамбулу. Идите в машину и не плачьте. А мы с вашим несостоявшимся любовником еще пообнимаемся в прихожей, – пробормотал санитар, в очередной раз, затягивая удавку.

До машины санитар тащил больного минут двадцать.

– Сто килограммов весит, не меньше, – сообщил он шоферу. – Другой бы уже успокоился, а этот гад так и норовит в морду заехать своей тупой башкой. Доктора изувечил.

В приемном покое больному сделали уколы, выкупали его и переодели в больничную пижаму, после чего отвели в изо-

лятор. Минут через сорок санитар спустился в диспансер, вошел в кабинет врача-психиатра. К тому времени Алиса Викторовна сменила халат, умылась, приняла валерьянку, подкрасила губки и успокоилась. Увидев Гарика, она стала благодарить его за то, что он спас ей жизнь. Санитар долго смотрел на шикарную блондинку, потом подошел к ней вплотную, обнял за плечи, и поцеловал так, как это делают герои-любовники в американском кино. Первую минуту женщина пыталась вырваться из его цепких рук, но Гарик не отпускал ее, вдавливая в себя с невероятной силой. Алиса чувствовала на себе каждую его мышцу. До замужества она мечтала о таком муже, сильном, смелом, способном подчинить своим желаниям любую женщину. Но замуж вышла за другого, комплексующего по любому поводу интеллигента. Неожиданно Алиса обняла Гарика за шею и сама стала его страстно целовать. Она просто сходила с ума от его рук, губ и, как ей казалось, стальных мышц юноши.

– Теперь ты поняла, кто в доме хозяин, – прошептал в самое ухо врачу санитар.

Гарик чувствовал себя победителем, но задерживаться в кабинете не стал. Он вышел, не попрощавшись, так же быстро, как и вошел в ее кабинет. Алиса ошеломленно смотрела ему вслед. Только сейчас она поняла, что произошло. Ее била дрожь. Она не могла успокоиться. Восемнадцатилетний мальчишка оказался не только сильнее врача. Своим поцелуем он неожиданно пробудил ее тайные желания, о ко-

торых она никому не рассказывала и от которых кружилась голова в далекой юности.

Супружеский долг

После отъезда водителя Казимир распаковал чемоданы, а Ядвига на кухне приготовила ужин.

– Садись за стол, – сказала она.

– А ты?

– Я вечером не кушаю, чтобы не растолстеть и не стать коровой, – возмутилась Ядвига. – Тебе сколько раз об этом повторять?!

– Это я так, чтобы ты сама не забывала, а домик Зиновий неплохой снял. Мебель из магазина, кресло удобное, торшер работает. Прощлый раз я жил в спартанских условиях, – проговорил Казимир.

– Скажи мне спасибо! Это я там, в Варшаве, выбила для нас жилье первой категории, – похвастала Ядвига. Она присела на кровать, потом попрыгала на ней, сидя, после чего легла на спину, стала прыгать на ней лежа. – Пружины хорошие, качает, как на батуте. Казимир, иди сюда, кровать будем испытывать на прочность.

– Я устал сильно, сама испытай, – заныл Казимир.

– Что значит, сама испытай!?! – закричала Ядвига, выскакивая на кухню. Там она схватила мужа за галстук и потащила в спальню. – Что значит сама!?! Сама – это когда я одна и без мужа, а сегодня у меня есть законный партнер для испытания кровати.

Ядвига стала быстро срывать с него одежду. Руки ее дрожали от нетерпения, а глаза горели дьявольским огнем. Казимир не сопротивлялся, но и не помогал жене.

«Ведьма! Натуральная ведьма! Даже нос покраснел, – подумал он. – Угораздило же меня взять такую бабу в жены».

– Я слышала на ток-шоу, как одна аборигенка сказала, что в СССР секса нет, а у нас он сейчас будет. Настоящий секс, европейский! А то сама, испытай! Вот я сейчас тебя как испытую, до утра не заснешь, летчик испытатель!

Приступ ревности

Муж Алисы Владимир Ковалев, тридцатилетний инженер, появился у ворот больницы за полчаса до окончания рабочего дня. На нем был строгий черный костюм, галстук и югославские очки. Он ходил вокруг диспансера и нервно курил, но зайти внутрь так и не рискнул. А еще он внимательно присматривался к выходящим из ворот мужчинам.

Наконец, появилась Алиса, уставшая и нервная. Подойдя к мужу, она улыбнулась и взяла его за руку.

– Ты чего так рано? – спросила Алиса. – И что это за сигареты, мы же договаривались, что ты бросаешь курить.

– Я все знаю, мне позвонили, – быстро заговорил Ковалев. – Увольняйся немедленно. Эта работа не для тебя, я умоляю. Женщины не могут работать с сумасшедшими. Эта работа для мужиков.

– В этой больнице из ста сотрудников – один мужчина, – устало отмахнулась Алиса.

– И этот мужчина – санитар. Студент, пацан! – закричал Владимир.

– Ему восемнадцать лет, а что случилось?

– Ничего не случилось. Ты поехала с этим мальчиком осматривать убийцу, он на тебя напал, и этот мальчик тебе спас жизнь, – задыхаясь, продолжил инженер.

– Дальше, – помрачнев, приказала Алиса. Она хорошо

знала мужа и чувствовала, что его взволновал не сам факт нападения на нее больного, а что-то другое.

– А дальше, дальше ты целовалась с ним. И это произошло на второй день твоей работы в больнице. Ты только второй день на работе и уже позволила себе целоваться с каким-то санитаром, – истерично закричал Владимир.

– Кто тебе об этом сказал? – пристально посмотрела на мужа Алиса.

– Женщина. Она позвонила мне на работу и рассказала, что на тебя с топором напал убийца-наильник, а потом ты целовалась с санитаром. Я убью его! – нервно закричал Владимир.

– Кого? Убийцу?

– Нет. Санитара!

– Не по Сеньке шапка. Он вооруженного топором двухметрового громилу скрутил голыми руками, а тут ты, интеллигент в пятом поколении, профессорский сынок, – осадила мужа Алиса. – Ты думай, о чем говоришь. Что меня может связывать с санитаром? Мой папа за тебя голосовал, потому что ты из хорошей интеллигентной семьи, сын профессора, кандидат наук. И ты думаешь, что я брошу тебя ради какого-то санитаря, который по пять раз зачеты по хирургии пересдает. «Острый живот» в училище сдать не может.

– Ты тоже «острый живот» на шестой раз сдала, – напомнил Владимир.

– Я уже забыла, а ты помнишь. Да, я шесть раз пересдавала

этот зачет, зато теперь симптомы «острого живота» от зубов отлетают. Ночью разбуди, перечислю все до единого.

– А последний раз тебя срезали за то, что ты хотела до осмотра хирурга наркотик вколоть больному, чтоб не мучился, – успокаиваясь, напомнил Владимир.

– Его тоже на обезболивающем подловили сегодня.

– Кого подловили?

– Гарика, – вдруг вспомнила Алиса.

– Ты опять думаешь о санитаре?

– А о ком думать, если этот Гарик мне сегодня жизнь спас, а ты все время о нем говоришь. Мы же с тобой договаривались, что ты меня не будешь больше ревновать. Или уже забыл, что у тебя красавица жена, мимо которой ни один мужик спокойно пройти не может. Если ты хотел спокойной жизни, то выбирать нужно было какую-нибудь серенькую заучку из политеха. А ты выбрал победительницу конкурса красоты мединститута, 90—60—90. А теперь, все. Шутки закончили. Еще раз заговоришь о своей ревности – выгоню на мороз. Если я захочу уйти от тебя, то об этом первым узнаешь ты.

Психи – будущее Окраины

Часа через два Ядвига успокоилась, достала сигарету и закурила. Казимир сбегал на кухню и поставил рядом с ней пепельницу.

– Кровать неплохая, – затягиваясь, проговорила Ядвига. – Да и ты сегодня не подкачал. Мне понравилось. Скажи, а у этого Зиновия жена есть?

– Есть, а чего ты про него вспомнила? – подозрительно посмотрел на супругу Казимир.

– Ну, и как она?

– Кто?

– Жена Говорова.

– Никак, она повариха.

– А повариха, что, не женщина? Или она очень толстая? – продолжила расспросы Ядвига.

– Ты на что намекаешь? – возмутился Казимир. – Ты думаешь, что я способен опуститься до поварихи, к которой каждую ночь муж пристаёт, а днем, между первой и второй подачей блюд, ее ставит в традиционную для аборигенов позу повар-мясник Беридзе.

– Прямо на кухне ресторана? – удивилась Ядвига.

– Да. На столе для готовой пищи. Он по кругу обвешан поварешками, ложками, вилками, ножами. Так что верхнюю часть Беридзе и поварихи я не видел, а все, что ниже пояса,

доступно к обозрению.

– Значит, ты проверял его окружение! И чего возмущался? Я хочу знать, можно ему доверять, или нет? – попыталась успокоить мужа Ядвига.

– В посольстве сказали, что можно привлекать к разовым акциям по сбору компромата на участников благотворительной акции.

– Короче, первый уровень аккредитации, – кивнула головой Ядвига. – Я так и думала.

– Послушай, я что-то с этим фондом не понял. Зачем его создают, и чем он поможет в реализации наших программ? – спросил Казимир.

– Объясняю особо талантливым. В программах «Пятая колонна», «Управляемый хаос», «Церковь последнего дня» и «Золотая молодежь» задействованы психически ненормальные люди. Для работы с ними нужно привлекать профессионалов. Вот и проверим через фонд врачей-психиатров и медсестер на жадность, и уже из тех, кто больше всего любит деньги, отберем себе помощников. Да и списки больных получить будет проще. Мы ж им продуктовые наборы передавать будем, а за каждый пакет роспись в получении надо ставить, фамилию и домашний адрес.

Погром в хирургии

На часах было 14—30, когда Лариса Ивановна вызвала на беседу Алису.

– Я о вчерашнем ЧП хочу поговорить с вами. У вас желание не пропало по особо опасным больным ездить? У меня в три часа машина будет. Или мне другого доктора назначить?

– Зачем. Это больные с моего участка.

– Значит, поедете сегодня с Гариком по адресам.

– Мне уже пять раз из хирургии звонили. У них там алкогольный психоз, – сообщила Алиса Викторовна.

– У всех хирургов сразу? – рассмеялась Лариса Ивановна.

– Там больной палату разгромил полностью, стекла побил, капельницу.

– Алиса, у меня эти иждивенцы уже вот где сидят, – провела по горлу Лариса Ивановна. – Там шесть здоровых мужиков-хирургов. У них такие же дипломы, как у меня. И эти мужики больного не могут зафиксировать и доставить к нам по «скорой»? А у меня одни бабы. Кого я туда пошлю? Может быть, вас?

– Я поеду.

– И что вы будете с ним делать? Стекла выбьете из рук, свяжете его? Это работа для санитаря. Врачам там делать нечего. Но санитар у нас работает на полставки и на рабо-

ту приходит после занятий в училище не раньше трех. Вот в этом-то и главная проблема. А теперь, о вчерашнем ЧП. Если я сказала поостороже быть с санитаром, это не значит, что вы должны лезть к больному сломя голову. А если б Гарик не успел, замешкался, испугался... У больного в руках топор был, а не детская игрушка.

– Я хотела показать ему, кто тут врач и кто санитар.

– И что, установили дистанцию?

– Нет.

– Ну, тогда скажите мне, Алиса, хоть как он целуется? Вам понравилось?

– Я не буду обсуждать с вами эту тему.

– Обсуждать мы эту тему с вами не будем, но я вас должна предупредить, свои личные проблемы решайте за пределами больницы. Мне еще скандалов с вашим мужем тут не хватало. Мне доложили, что он грозил побить санитару, – повысила голос главврач.

– У меня муж ревнивый, не обращайтесь внимания.

– При ревнивом муже нельзя целоваться с кем попало.

– Я не целовалась. Он сам. Он мне этим поцелуем хотел показать, кто в доме хозяин.

– И что, показал?

– Нет. Я его поставлю на место. Вот увидите.

– Только мужа не втягивайте в эти разборки. Гарик сильнее его. Он настоящий мужик, хоть и молодой, а муж ваш типичный ботаник, – усмехнулась главврач. – И еще один со-

вет, на настоящих мужчин, способных на все, женщины начинают засматриваться в сорок лет. Вам – двадцать четыре. В вашем случае роль мамочки при инфантильном муже-ботанике более привлекательна, чем роль ненасытной дамы, умирающей от страсти в руках испанского мачо.

– Ваш Гарик меня еще не знает. Я заставлю его подчиняться, – повысила голос Алиса.

– Похвально стремление, только палку не перегните во время общения с кучерявым. Он всегда добивается поставленной цели.

– У меня есть еще один вопрос, – решила сменить тему разговора Алиса. – Вы разрешаете использовать при задержании больных полотенце и удушающие захваты? Профессора на кафедре говорили, что это запрещенные приемы.

– Никто ничего не разрешает, но в уголовном кодексе есть статья о крайней необходимости. Если больной представляет реальную опасность для окружающих, то против него могут применять различные приемы рукопашного боя, в том числе и удушающие захваты. Если б Гарик не придушил Петю Петушка, то мы бы сегодня собирали деньги на ваши похороны. В той ситуации он мог и убить больного, и его б оправдали. Вооруженное нападение на врача. После такого больные долго не живут.

– Вы хотите сказать, что Лугового могут убить в больнице?

– Я сказала то, что хотела сказать! – повысила голос глав-

врач.

В этот момент бесшумно открылась дверь, и на пороге появился Гарик.

– А тебя стучать не учили, герой-любовник? – недовольно спросила Лариса Ивановна.

– В регистратуре сказали, что у вас совещание без меня не могут начать. Вот я и без стука, как опоздавший, – расплылся в улыбке санитар. – Но если я не вовремя, могу и уйти. Я не гордый.

– Садись, рыцарь без страха и упрека. Поговорить хотим с тобой. Ты зачем на доктора напал в кабинете. Она замужняя женщина, врач, а ты к ней с поцелуями.

– Лариса Ивановна, клевета, не было такого, чтобы я по своей воле прикоснулся своими руками к Алисе Викторовне. Да она и не в моем вкусе. Мне нравятся толстые, маленькие и с кривыми ногами, пятидесятилетние бабки, такие, как наш регистратор.

– Цирк уехал, клоун остался. Я с тобой о серьезных вещах говорю. В Америке тебя бы в тюрьму уже посадили за физическое оскорбление женщины.

– Так мы ж не в Америке, – расплылся в улыбке Гарик. – А женщины любят сильных и наглых.

– Кто тебе такую чушь сказал. Женщины умных любят, опрятных и красивых. Ты почему халат не сменил? Ходишь, как подстреленный воробей. Халат должен прикрывать колени.

– Нет у меня другого. Что вы с этим халатом пристаёте? Они мне врачебные с пуговицами дают. Я однажды надел такой. И что, на первом же вызове четыре пуговицы с мясом. А пуговицы эти большой дефицит.

В этот момент зазвонил телефон.

– Это из хирургии звонят. Мы не знаем, что с вашим больным делать. Он в палате переломал все, что мог.

– Успокойтесь. Вышлю сейчас врача к вам. Шесть мужиков с одним алкоголиком справиться не могут, – главврач, положив телефонную трубку, повернулась к Алисе. – Посетите вначале хирургию, а потом по списку. И пристыдите вы их, шесть мужиков в палату зайти боятся. И героя-любовника не забудьте. Гарик, если еще раз ты хоть пальцем прикоснешься к доктору...

– Да понял я уже все, понял. Я пошутил, а вы тут целую историю раздули.

Врач и санитар вышли в коридор.

– Алиса, это судьба! – в самое ухо зашептал Гарик. – Просто всю жизнь мечтал больных из хирургии забирать. Кто бы знал, как я люблю хирургию.

– Хватит ерничать, и если еще раз назовешь меня по имени, пожалеешь, – повысила голос Алиса Викторовна.

– Все, понял. Я теперь буду вас называть правильно и торжественно: «Алиса из страны чудес».

– Только попробуй. Я тебе такие чудеса устрою. А где твое

полотенце?

– Отдыхает от трудов праведных. У мужика с черепушкой непонятки. Травматикам «сухой бром» противопоказан.

– И как ты его забирать будешь? – подозрительно посмотрела на Гарика врач.

– А я не один, я с доктором. Как доктор скажет, так и сделаю.

– Я бы тебе сказала, кучерявый, но воспитание не позволяет, – поддела санитар Алиса. – Колпачок где от пустой головы? Ты в хирургию едешь.

– Во, блин, а вы правы. Фридман увидит меня без колпака – умрет. Поэтому я всегда ношу в кармане медицинскую шапочку, на всякий случай, но не надеваю, чтобы не портить прическу, а сейчас придется.

Доктор Фридман

В хирургии атмосфера была накаленной до предела. Две санитарки стояли под дверями палаты с огнетушителями в руках. Из-за закрытой на ключ двери слышался мат и угрозы.

– Бить человека по лицу огнетушителем запрещает международная конвенция по защите прав ребенка, – сообщил санитаркам Гарик.

– А мы его бить не будем. Мы его пеной остановим, – объяснила одна из санитарок.

– Психушку вызывали? – широко открыв дверь ординаторской, спросил Гарик.

Четыре хирурга с разных сторон тут же напали на санитарку.

– Пять часов психовозку ждем! – стал кричать на санитарку хирург Осипов.

– Так у нас машина с трех работает. Могли бы по «скорой» привезти. Делов-то, – огрызнулся Гарик.

– Да что вы с ним говорите, Иван Иванович. Это самый тупой студент нашего училища. Он мне кости черепа шесть раз сдавал, а острый живот за сегодняшнее издевательство вообще не сдаст. Слово даю, – пригрозил Сергей Моисеевич Фридман санитару. – Пять часов назад я сообщил вашему главврачу о том, что тут происходит. Я докладную в горздрав

напишу.

– Давайте с больным разберемся сначала. Меня зовут Алиса Викторовна. Я врач-психиатр. Не могли бы вы рассказать, что тут произошло.

Хирурги, увидев красавицу-врача, тут же успокоились. Они усадили ее за стол, предложили кофе, шоколадные конфеты. Женщину буквально засыпали комплиментами. Гарик стоял в стороне и с улыбкой смотрел на хирургов, увивающихся за Алисой.

– Красота – страшная сила! – громко произнес он. – Может, делом займемся, а то у нас вызовов море. Алису Викторовну убийцы ждут и извращенцы. Она без них жить не может.

– Что ты тут комментируешь, – подлетел к Гарику Фридман. – Ты еще не понял, что с больным теперь и без тебя разберутся. Иди, отдыхай, лентяй. «Острый живот» учи. Я тебя спрошу завтра по всей форме.

– Да не вопрос. Отдохнуть, я всегда, с удовольствием, – буркнул под нос санитар и спустился вниз к машине.

– Я вам расскажу сейчас все об этом больном, – подкатился к Алисе Иван Иванович Осипов. – Это мой больной. Поступил он к нам с закрытой черепно-мозговой травмой. На третий день развился психоз. Появились слуховые галлюцинации. Бред преследования. Я вызвал невропатолога. У нас же к психиатрам без консультации невропатолога звонить нельзя. Они у нас белая кость. Невропатолог свое ис-

ключил, говорит, звони главврачу психбольницы. Пять часов назад позвонили первый раз. У нас операционный день сегодня, а мы не можем работать.

– Поговорить с больным сами не пробовали?

– Да как туда войти? Он стеклами вооружился. Невропатолог свое заключение по истории болезни писал.

– У нас в больнице тоже одни женщины работают, я санитаря привезла, а вы его выгнали, но я попробую с ним поговорить, – улыбнулась Алиса.

– Погодите, Алиса Викторовна, – вмешался в разговор Фридман. – У нас все хирурги мужчины, а от санитаря вашего никакого толку. Он пять раз зачет пересдавал по «острому животу». Что он тут делает?

– Я все поняла, давайте двери открывать.

– Нет. Мы вас туда не пустим одну. Вы что думаете, если мы хирурги, то мы не мужчины? – приосанился Фридман. – Говорите, что делать.

– Если действовать по инструкции, то к такому больному подходить надо с четырех сторон, держа в вытянутых руках одеяла. Потом ему набрасывают на голову одеяло, кладут на кровать и делают уколы. Я назначила аминазин, четыре кубика внутримышечно.

– С четырех сторон не получится. Протиснуться в дверь с одеялами смогут только двое, но мы попробуем, – пообещал Фридман.

Первым в палату, прикрываясь одеялом, влетел Фридман.

Вторым вошел Осипов, и замыкала делегацию Алиса Викторовна. В руках она держала блестящий молоточек для проверки рефлексов. Больной с двумя кусками стекла в руках стоял в дальнем углу, и когда к нему приблизился Фридман, несколько раз ударил стеклом в одеяло. Фридман закричал, бросил одеяло и выскочил из палаты, поливая кровью коридор. Оказалось, что больной перерезал ему вены предплечья. Вторым резаные раны рук получил Осипов. Алиса поле боя покинула последней. Ее попытка заговорить с больным чуть не стоила ей жизни. Больной с криком бросился за врачом, но был остановлен мощной струей из огнетушителя. Под огнетушитель попала и Алиса, но в отличие от больного пеной ей залили только грудь и шею.

Пока участники кровавой битвы приходили в себя, смывая пену и делая перевязки, о ЧП в хирургии сообщили в горздрав, а оттуда позвонили главврачу психбольницы.

– Алиса Викторовна, что у вас там происходит? – позвонив по телефону в ординаторскую, спросила Лариса Ивановна.

– Больного пытались нейтрализовать.

– Мне звонили из горздрава, сказали, что два доктора ранены.

– Больной порезал стеклом Осипова и Фридмана, – доложила Алиса Викторовна.

– А где наш санитар?

– Ушел. Его Фридман выгнал из ординаторской. Доктор

Фридман ему хирургию преподает.

– С твоим Фридманом мне все ясно. Но я за больным посылала санитаря психбольницы, объясни мне, что там хирурги делали?! – закричала Лариса Ивановна.

– Инициативу проявили. Мне помочь хотели, – смутилась Алиса.

– Найди мне Гарика, я ему сейчас устрою!

– Его нет в отделение. Он ушел.

Минут через пять главврач больницы смогла дозвониться по рации до водителя машины.

– Где этот негодяй?! – закричала Лариса Ивановна.

– На носилках лежит. Хирургию зубрит.

– Передай ему трубку немедленно.

Гарик не спеша перебрался в кабину водителя.

– Ты почему Алису Викторовну бросил в больнице?

– Меня Фридман прогнал. Они там кобеляж перед Алисой устроили, а меня на мороз. Мол, сами с усами. Я и ушел, – обиженным голосом, произнес Гарик.

– Я тебе устрою «кобеляж». Из-за тебя два ведущих хирурга получили тяжелые травмы. Кто теперь больных оперировать будет? Бегом наверх, забери этого больного, и на глаза сегодня мне лучше не попадайся! Вопросы есть?

– Нет.

Гарик лениво потянулся и стал вылезать из машины.

– Как ты его возьмешь без полотенца? – спросил водитель.

– Голубоглазый, а ты женщин через полотенце мацаешь, или напрямую?

– Напрямую. Сравнил тоже, – удивился шофер.

– Вот и я на свидание с любимой женщиной решил идти с открытым забралом и голыми руками. У тебя чистый белый листок бумаги найдется?

– Нет. Газета есть, «Правда».

– Костя, твоя «Правда» для сортира хороша, а я картину хочу написать абстрактную в духе соцреализма.

– Тоже мне художник нашелся. Иди за психом, а то сейчас сюда Лариса прилетит. Тогда тут всем мало не покажется.

– Никакого в тебе, голубоглазый, романтизму нету. Сплошные угрозы и мат, а я, может, фотомодель охмурить хочу, – мечтательно произнес Гарик. – А теперь слушай мою команду. Машину подгони к входной двери. Дверь в дверь без зазора. Двигатель включи и жди явление Христа народу.

– Погоди, а посетители в больницу как пройдут, персонал.

– Не хрен им там лазить. Всех гони в шею. Спецоперация идет, понял? И чтоб в коридоре никого не было. Подвернется под руку кто-нибудь, убью!

Гарик не спеша поднялся на третий этаж, зашел в ординаторскую. За столом сидела Алиса и два хирурга с перевязанными руками.

– Господа-товарищи! Одолжите мне белый лист бумаги.

– Завещание писать собрался? – спросил Фридман, протягивая вырванный из тетрадки листок бумаги.

– Как же без завещания. Я, Фридман Сергей Моисеевич, находясь в полном здравии и при полной памяти, – продолжил Гарик.

– Ты у меня сейчас получишь, – поднялся из-за стола Фридман.

– Правильное решение, Сергей Моисеевич. Разгоните людей из коридора и этих монстров с огнетушителями уберите от дверей, а то они и меня пеной, как Алису Викторовну. А я не люблю пену, я нормальный.

– Гарик, ты что собрался делать? – поднялась из-за стола Алиса Викторовна.

– Ничего страшного. Вы не волнуйтесь. У вас хорошая мужская компания, пейте чай с шоколадными конфетами. Это ж такой дефицит. И где их хирурги покупают? А я уж сам как-нибудь. Только людей из коридора и с лестницы уберите, чтоб работы вам не прибавить. Всех, до единого.

Фридман выскочил в коридор, загнал больных в палаты, наорал на персонал и отправил в сестринскую санитарок с огнетушителями.

Гарик не спеша снял халат, положил его рядом с Алисой.

– Как этого психа зовут?

– Вадим, – быстро ответила Алиса. – Вадим Соловьев.

– У меня к вам большая просьба, Алиса Викторовна, по-охраняйте сей предмет медицинской гордости, а то у нас без халата нынче нельзя. Не дай бог шапочка пропадет, со свету изживут злые монстры.

Сказав эти слова, Гарик подошел к двери палаты, тихонько повернув ключ, заорал диким голосом: «Я твой спаситель! Ты меня звал, и я здесь! Смотри! Смотри сюда!»

Гарик, размахивая листом бумаги, в два прыжка преодолел расстояние, которое отделяло его от больного.

– Вадим! Смотри сюда! Дом видишь!? – ткнул пальцем в бумагу Гарик.

– Вижу, – пробормотал мужчина, поднимая вверх окровавленные руки с осколками стекла.

– А дым из трубы видишь?!

– Вижу.

– А за трубой кто стоит?

– Мужик прячется.

– Соловей, бежим! Это убийца! Быстрее! Не оглядывайся. У двери машина стоит! Не бойся! Нас спасут! Быстрее! Не останавливайся! Бежать! Вперед!

Алиса, хирурги и медсестры с ужасом смотрели на бегущих по коридору Гарика и вооруженного стеклами больного с окровавленными руками. На лестнице они сбили с ног какого-то старика-посетителя и сестру-хозяйку из травматологии.

– Не останавливаться! – орал Гарик. – Дорогу! Все ушли. По норам! Убью!

Добравшись до первого этажа, санитар хотел сразу заткнуть больного в машину. Но на их пути оказалась ка-

кая-то женщина. Больной неожиданно бросился на нее, приняв за своего врага, он толкнул ее окровавленной рукой с такой силой, что женщина отлетела от него метра на три.

– Вы не имеете права, – закричала пострадавшая. – Я гражданка Польши!

– Да хоть Америки! – крикнул в ответ Гарик. – Не хрен на дороге стоять, когда люди бегут от убийц.

– О душе подумай, дура! – поддержал санитару больной, запрыгивая в машину.

Гарик хлопнул дверцей, и водитель, включив сирену, понесся в сторону психбольницы.

– А ты молодец, – похвалил больного Гарик, – одной левой иноземку на землю уложил.

– Ее трахнуть надо было, – тут же ответил больной.

– Так она же страшная. Нос торчит на полметра, как у бабы яги.

– А я страшных люблю, – продолжил больной. – Красивую любой сможет, а ты попробуй такую горластую на трезвую голову.

Разговор на женскую тему неожиданно сблизил санитару и больного.

– Спирту выпьешь? – спросил Гарик больного.

– А у тебя есть?

– Есть, – Гарик извлек из кармашка медицинской сумки флакон с разведенным до сорока градуса спиртом и поднес к носу больного.

– Водка, – сходу определил больной. – Настоящая.

Гарик влил ему в рот полфлакона. Больной тут же успокоился и, разжав руки, отдал Гарик у стекла.

В приемном покое санитар уложил больного на кушетку, стащил с него окровавленную пижаму и помог дойти до ванной.

– Сейчас кровь смоем, и пойдешь домой, – пообещал Гарик, протягивая ему флакон с остатками спирта.

Больной допил спирт и окончательно успокоился.

– И чего эти хирурги орал с утра по телефону, – осмотрев больного, возмутилась дежурная медсестра. – Спокоен, как слон, сам искупался, шутит уже. И чему этих хирургов в институтах учат, не врачи, а коновалы какие-то.

Тут же больному сделали успокаивающие уколы, обработали раны и отнесли в надзорную палату.

За всем этим со стороны наблюдала Лариса Ивановна. Когда Гарик спустился в приемный покой, она подошла к санитару и бросила сердито: «Зайди ко мне!».

– Это как понимать! – стала кричать главврач на санитаря. – Я тебя послала за больным, а ты в хирургии кобеляж устроил.

– Я устроил... Да эти кобели хирурги меня сразу и выгнали из ординаторской, как Алису увидели. Претензии к Фридману. Он Алисе кофий наливал с шоколадными конфетами. Могли б и меня, передовика производства, чашкой кофе

осчастливить.

– Кофе хочешь?

– Чем я хуже Алисы.

Лариса Ивановна включила электрочайник.

– Как ты его из палаты вытащил? – успокаиваясь, спросила она.

– У него зрительные галлюцинации. Я ему на бумаге показал дом и мужика, который прячется за трубой, после чего мы побежали. Классика жанра и никакого гипноза.

– А стекла, как отобрал?

– Спиртом угостил. Ему «сухой бром» противопоказан из-за травмы головы. Да и по-другому их не отобрать было.

– За находчивость благодарность, а за издевательство над хирургами – смертный приговор.

– Я тут при чем? Они Алису увидели, и стали суперменов из себя корчить. Ну и нарвались толстопузые.

– Фридман-то нормальный мужик. Это у Осипова пивной животик, – возразила Лариса Ивановна, разливая по чашкам кофе.

– Ага, нормальный, он меня черепом сначала убивал, а теперь «острым животом». Жаль, что этот псих ему по морде не съездил стеклом за мои страдания.

– Зато ты на черепе каждый бугорок по латыни назвать можешь. А у Фридмана серьезная рана на предплечье, и Осипов работать не сможет неделю. До тебя хоть доходит, что мы хирургию без хирургов оставили?

– Сами виноваты, нечего было на чужую бабу пялиться.

– Скажи, мне Гарик, а что ты от Алисы Викторовны хочешь. Она замужня женщина, врач.

– Ничего я от нее не хочу. Не люблю, когда мною бабы командуют, вот и опустил я ее два раза.

– Я тоже женщина и тобой командую.

– Алиса же молодая.

– А я, значит, старая, и мне можно тобой командовать, – обиделась Лариса Ивановна.

– Я не говорил, что старая. Опытная.

– Получается, что ты меня как женщину не воспринимаешь. И целоваться ко мне по этой причине не лезешь. А я, в отличие от Алисы Викторовны, в третий раз не замужем. Может, попробуешь?

– Что мне пробовать. Вы не женщина. Вы главврач. Вам положено орать на всех, а Алиса тут кто. Ничего не знает, а туда же.

– Я почему этот разговор с тобой завела. У Алисы Викторовны муж ревнивый, и я бы не хотела скандалов на этой почве.

– А вы его в дурку положите. У нас тут каждый второй с бредом ревности лежит.

– Я так поняла, что ты будешь и дальше преследовать Алису Викторовну. Так вот, я открою тебе одну тайну. Женщине в двадцать четыре года восемнадцатилетний пацан просто не интересен, как мужчина. Тебе надо сверстницу найти или

женщину постарше. Им нравятся физически крепкие мальчишки.

– Я учту ваши пожелания. Но на старушек меня пока не тянет. Может, лет через десять я и положу на кого-нибудь глаз, но не сейчас. И дальше что делать?

– К Свистунову езжайте. Соседка звонила. Адрес знаешь?

– Знаю я его.

– Дай возможность Алисе Викторовне пообщаться с большим. И не дави на нее, пусть сама решает, забирать его или нет.

Костя сидел в машине и доедал караимский пирожок.

– Ну, что, вставила тебе Лариса? – спросил водитель.

– Обещала медалью наградить за спасение Фридмана на пожаре.

– Фридман за сегодняшнее представление вообще зачет тебе не поставит.

– Поставит. Мне этот «острый живот» уже во сне снится вместе с Фридманом.

– Едем куда? – включив двигатель, спросил водитель.

– Сначала за Алисой. Она нас у входа в больницу ждет, а потом к Свистунову. Соседка звонила.

– Прошлый раз Свистуна с ментами брали. Может, в милицию заедим?

– У меня нет направления. Алиса поговорить с ним должна. Слушай, женатик со стажем, скажи, а чем отличается ба-

ба в двадцать четыре года от той, которой сорок пять? – спросил Гарик.

– Ты про Матросова читал?

– Конечно. Герой войны, амбразуру фашистского дота грудью закрыл.

– Так и баба в сорок пять. Она на мужика, как в последний раз на амбразуру ложится. И ей мужик нужен сильный и здоровый, который может с такой бабой всю ночь. А в двадцать четыре – и ботаник одноразовый сойдет. У нее еще потребность в мужике не созрела.

– Я думал, чем старше баба, тем ей меньше хочется.

– Мыслитель. Матчасть изучать надо не по книгам, а на практике. А вот и Алиса твоя стоит на остановке, забирай.

– Почему моя?

– А то не видно, что она на тебя глаз положила. Ты ж на ее глазах мужика с топором голыми руками завалил, а у нее муж ботаник-подкаблучник. Вот поверь моему слову, бросит она его.

Алиса села рядом с водителем. Передала Гарику его халат.

– Не слышу восторгов, доктор, – подколот Алису санитар.

– Два дурака неслись по лестнице, старика чуть не убили.

Его еле откачали, – нахмурилась Алиса. – А еще, гражданку Польши избивали на первом этаже.

– Бабу длинноносую? Так ее не я, ее больной толкнул.

Визгу было на всю больницу.

– Гарик, ты на международный скандал нарвался. Она ж иностранка. А если б твой больной ее стеклом по лицу полоснул?

– Опять я виноват. Я же Фридману сказал, чтоб дорогу освободил, – возмутился санитар.

– Так никому и в голову прийти не могло, что ты там устроишь? Я думала, что ты стекла отберешь у больного и свяжешь его.

– Бритвы и стекла я из рук больных не выбиваю. Не мой профиль.

– Почему?

– Личико могут порезать. Я видел в Краснолиманске санитаров, которые на бритву шли. Все лицо в шрамах. Женщины целовать не будут.

– Мне кажется, ты не прав. Мужчину шрамы украшают.

– Алиса, тогда с тебя поцелуй. У меня рубаха в крови.

– Больной тебя порезал в машине? – с тревогой спросила Алиса.

– Нет. На мне кровь моего врага, кровь Фридмана.

– На мне тоже. Ему ж вену больной перерезал. И напрасно ты на него буром идешь. Фридман нормальный мужик, классный хирург, а за то, что он из тебя душу выматывает за «острый живот» и внутренние кровотечения, – потом благодарить будешь. Пропустил «острый живот» – похороны. Ты же не хочешь людей убивать?

– Не хочу.

– Тогда зубри симптомы «острого живота».

– Что делается. Любимую женщину Фридман за полчаса перевербовал чашкой кофе и шоколадными конфетами «Белочка». Он теперь хороший, а я тупой студент. Костя, пойду утоплюсь, как Анна Каренина. Ты был прав. Не любит она меня, а тут еще и Лариса выговором грозит за всенародный подвиг.

– А ты как думал. Женщинам умные мужчины нравятся. Кулаками махать – много ума не надо, – улыбнулась Алиса.

– Приехали, – прервал разговор Костя. – Он на третьем этаже живет.

Гарик помог выбраться из машины доктору, а когда они вошли в подъезд, Алиса вдруг прильнула к нему и шепнула: «Ты молодец. Я удивлена. Хирурги были в шоке. Только не надо в присутствии посторонних ко мне приставать. Я не хочу, чтоб о твоих шутках докладывали моему мужу».

– Уговорила, – Гарик бесцеремонно схватил Алису за плечи, прижал к груди и поцеловал. Алиса не сопротивлялась. Ей было приятно чувствовать на себе сильные руки восемнадцатилетнего парня, который буквально вдавливал ее в свое тело.

– Мне нравится, как ты целуешься, – прошептала она и вдруг сама, теряя над собой контроль, стала целовать его жадно и страстно. Она не могла ничего поделать с собой. Ей хотелось слиться с ним прямо здесь, в подъезде. Гарик был

поражен, его еще никто и никогда так не целовал.

Минут через пять она, наконец, смогла взять себя в руки.

– Только ты ни на что не рассчитывай. Продолжения не будет.

– Будет, – возразил Гарик. Теперь уже он целовал врача. – Все будет. Я настырный и всегда добиваюсь того, что хочу.

– Ты уже возгордился? Завтра я буду совсем другой.

– До завтра еще дожить надо, а сегодня ты моя. Самая ласковая и любимая.

Секс в машине

– Он меня чуть не зарезал, – уже в пятый раз за день пожаловалась водителю Ядвига. – Я пришла в больницу. В самую обычную больницу. И тут навстречу летят два сумасшедших. Руки в крови, глаза лезут из орбит. Я в стороне стояла, я им не мешала бегать по больнице, и один из сумасшедших кидается на меня со стеклом в руке. Он хотел меня зарезать. А ты стоял рядом и даже не шелохнулся! Он меня ударил с такой силой, что я летела три метра. И ты меня не пожалел. Все, я не могу больше. Останавливай машину в лесопосадке. Я хочу успокоиться.

Водитель свернул на проселочную дорогу и остановился в лесопосадке.

– Зиновий, на тебя никакой надежды нет! Меня чуть не зарезали на твоих глазах, а с твоей стороны никакой реакции. И сейчас чего ты ждешь. Бери и успокаивай. У меня руки дрожат от страха.

– Как успокаивать? – спросил водитель.

– А ты не знаешь? Ну, как мужчина может успокоить женщину. Мне тебе что, все объяснять надо?

Водитель робко поцеловал Ядвигу.

– Это не поцелуй, ты как настоящий мужчина поцелуй меня, и все остальное сделай, как мужчина! – возмутилась Ядвига.

Водитель опустил спинку сиденья, уложил на спину Ядвигу и стал целовать женщину закрытыми глазами, чтобы не видеть ее страшного носа.

Инженер Свистунов

Инженер Свистунов никого не ждал. Увидев незваных гостей, он сразу помрачнел и напрягся.

– Руки покажи, профессор! – неожиданно заорал Гарик. – Вверх руки, пальцы разжал!

Гарик быстро обыскал больного и мгновенно вытащил из-за пояса немецкий штык со свастикой на лезвии. После чего швырнул больного на пол, заломив руку.

– Кого убить хотел? – заорал Гарик. – Быстро отвечать, пока не убил.

– Тебя, санитар, и бабу мою. Ты зачем у меня жену увел? Такую красивую!

Больной смотрел на Алису и заливался слезами.

– Тут нет вашей жены. Я врач-психиатр. Буду вас лечить, – проговорила Алиса.

– Мне не нужен врач. Ты моя жена. Он украл тебя. Изнасиловал, надругался! Мне плохо. Сердце. Отпусти, мне лекарство надо.

– Гарик, отпусти его. Ему плохо с сердцем.

– Его нельзя отпускать. У Свистунова обострение. Он опасен.

– Нет. Отпусти больного. Ему надо выпить лекарство.

– Его грохнуть тут надо, тварюгу, жену и ребенка убил, мента покалечил.

– Отпусти, я сказала! – перешла на крик Алиса. – Нельзя так с больными. Он не виноват. Это болезнь.

Гарик со злостью отшвырнул от себя больного.

– Где твое лекарство!? Быстро.

– Я сейчас, я быстро, – больной подбежал к тумбочке и вытащил оттуда опасную бритву. – А теперь, подходи.

– Гарик, у него бритва!

– Я ж тебе говорил, что это за тварь. Беги отсюда! Беги!

– Я не пойду, я не могу!

– Вон отсюда! У него бритва. Ментам звони. Пусть пристрелят эту суку!

Алиса выскочила из квартиры и побежала к машине. Костя переключил рацию на милицейскую волну и вызвал подмогу.

– Боишься! – расплылся в улыбке больной. – Бабу мою украл, а бритвы испугался. У меня острая бритва. По шее чиркну, и все! Труп. А потом я тебя кастрирую, чтобы ты больше не мог прикасаться до моей жены. И бабу твою порежу.

Гарик взял в руки стул.

– Ну, подходи, «ботаник»!

– Я не ботаник! Я – мститель! Джеймс Бонд! – с этими словами Свистунов бросился с бритвой на санитаря. В последнюю секунду Гарику удалось разнести на голове больного стул. Свистунов рухнул на пол, но бритву не отпустил.

– Брось бритву, урод! Бритву брось!

Гарик попытался ударить больного вторым стулом, но на этот раз Свистунову удалось увернуться. Пока санитар искал что-нибудь подходящее для очередной атаки, больной, издав дикий крик, бросился с бритвой на Гарика. Бритва проскользнула в двух сантиметрах от лица санитаря. Гарику удалось оттолкнуть больного от себя, но он вновь бросился на него, целясь бритвой в горло. Чтобы спасти себе жизнь, Гарик накрыл ладонью бритву и попытался вырвать ее у Свистунова. От острой боли хотелось кричать. На глаза сами по себе навернулись слезы. А Свистунов продолжал резать ему руку опасной бритвой. Стоило разжать руку, и Свистунов смог бы выполнить задуманное. И тут Гарик из последних сил ударил пальцами правой руки по глазам Свистунова. От острой боли псих ослабил давление на руку, и Гарику с большим трудом удалось вырвать у него из рук бритву. В этот момент в комнату ворвались милиционеры с автоматами в руках.

– Не стрелять! – заорал санитар. – Не стрелять!

Милиционеры надели на больного наручники и усадили его в милицейский УАЗ. Рана на руке оказалась настолько глубокой, что Гарика под сиреной повезли в приемный покой горбольницы. В машине Алиса, наложив жгут на предплечье, остановила кровотечение. После чего стала бинтовать ему кисть. Она плакала и просила прощение. Наложив повязку, Алиса обняла Гарика за плечи и стала целовать его

НЕЖНО И ЛАСКОВО.

На Украине будет все, как в Европе

Минут через пять Ядвига оттолкнула от себя водителя.

– Ты все делаешь не так. Так только безграмотные дикари делают, а ваша страна идет в Европу. Сейчас я покажу тебе, как это делают в Европе, а ты учись и ничего не бойся. Считай это первым уроком толерантности.

Минут через тридцать Ядвига выпустила из своих рук доведенного до изнеможения любовника.

– Ну, и как. Понравилась Европа? – спросила она.

– Да моя жена ничего подобного со мной никогда не делала, – пробормотал шофер. – А если б я ей такое предложил – убила бы. Она у меня поварихой работает. На спину ляжет, ноги разбросает в разные стороны, и все.

– А по-другому не пробовал свою жену? – внимательно посмотрела на Говорова Ядвига.

– Нет, она не хочет: или так, или спокойной ночи. А ты из меня все соки высосала за полчаса. Никогда не думал, что такое может женщина с мужиком делать.

– Завтра преподам тебе второй урок европейской толерантности. А теперь, все – поехали. И мужу не вздумай ляпнуть о том, что ты тут со мной делал. Он у меня очень ревнивый. И говорить будешь со мной всегда на вы, никакого

панибратства. Иначе, он все поймет, и тогда тебе не жить!
Ты меня всю понял?

– Всю, – Говоров повернул ключ зажигания и выехал на трассу.

Ядвига подкрасила губки, поправила лифчик и бросила в рот мятную жевательную резинку.

– Зиновий, ты, когда с женой своей это делаешь, бывало так, чтобы она с тобой полностью расслабилась, кричала или сознание теряла?

– Жена у меня повариха, – напомнил Говоров. – И чтобы она сознание потеряла, ей десятилитровой кастрюлей с горячей водой по голове надо врезать, и еще не факт, что поможет. У нее там кость. Вот, у вас голова болит?

– Бывает.

– А у моей – ни разу не болела, ни в праздник, ни в будни. Повариха, короче.

В хирургии

В эту ночь в хирургии дежурил Фридман. Осмотрев рану, он тут же отправил Гарику в операционную.

– Надо руку спасать. Он может остаться без кисти, – проговорил Фридман

Через несколько минут в хирургическом отделении появилась главврач психбольницы Лариса Ивановна. Увидев Алису, она завела ее в пустую ординаторскую.

– Докладывай, что случилось.

– Я виновата во всем. Это я просила отпустить больного, и Гарик выполнил мою просьбу.

– Докладывай по порядку, я потом сама решу, кто прав, а кто виноват.

– Мы приехали к больному. Уже было темно. Больной сразу не понравился Гарику. Он обыскал его и нашел за поясом немецкий штык. Он хотел отвести его в машину, но Свистунов стал симулировать сердечный приступ, и я попросила санитаря дать ему лекарство. Он подвел больного к тумбочке, а там лежала опасная бритва.

– Мне не понятно, почему он остался, когда увидел в руках у больного бритву? Почему не ушел с тобой? Он же тебя предупреждал, что бритвы и стекла из рук больных он не выбивает. Он говорил тебе это?

– Да, но я не подумала.

– А ты думать научись перед тем, как персоналом командовать. У нас врачи во время стационарирования больных не вмешиваются в работу санитаров. Не царское это дело, потому что завтра больной будет жаловаться врачу на санитаров, а если ты стояла рядом или давала команды персоналу – какой ты судья? Ты такой же враг больного, как и санитар. А тебе лечить больного надо, анамнез собрать. Врач стоит над схваткой. Он в глазах больного высшая справедливость, третейский судья. Это первое. А теперь о том, что скрыто. У каждого человека в этой больнице свои тараканы в голове. Ты знаешь, почему Гарик боится бритвы? Потому, что у него на глазах больной шизофренией перерезал горло санитару из Ялты. Санитар тот умер за три минуты, после чего сотрудники приемного покоя республиканской больницы забили больного насмерть ногами. Их целый год таскали по следователям.

– Я не знала об этом, – ужаснулась Алиса.

– Ты специализацию проходила в отделении невротозов, а настоящая психбольница – это другое. Здесь все на нервах. С одной стороны больные со своими проблемами, а с другой стороны баррикады – персонал с очень непростой биографией. К каждому надо найти особый подход. И главное, помни, нам не нужны герои и избитые до полусмерти больные. Вам надо было закрыть входную дверь и вызвать милицию, и они бы решали, что делать с убийцей. Ты не должна была оставлять санитаря одного с опасным боль-

ным. У него же бред ревности. Его судили за убийство, он проходил принудительное лечение. Ему место в «крытой» больнице. А теперь, после вооруженного нападения на санитаря, он долго не проживет.

– Почему?

– Санитары не любят таких больных. Красная полоса на истории болезни и надпись «Нападение на персонал» – это смертный приговор. И никто этого психа уже не спасет.

– Но ведь бить больных запрещено.

– У нас его никто и пальцем не тронет, а вот в «крытой» больнице на первом посту с ним церемониться не станут. Санитары его убьют за то, что он с бритвой в руках напал на санитаря. И им плевать, больной он был или здоровый. Это не обсуждается! И в его проблемах виновата будешь ты. Если бы вы его усадили в машину и привезли в отделение, он бы вернулся домой через месяц.

– Я испугалась, он хватался за сердце, задыхался, я боялась, что он умрет, – прошептала Алиса.

– Дело не в приступе, а в том, что на месте этого больного ты увидела своего мужа. Инженер в молодости был добрый, умный, ласковый, а жена его предала. Она полюбила милиционера, сильного, смелого красавца мужчину, который на ее глазах трех хулиганов скрутил. А в этом городе ничего не скроешь. Ее муж узнал об измене и стал следить за ней. А потом убил жену, ребенка и тяжело ранил любовника своей жены. У нас четверть больных с психозами стра-

дает бредом ревности. Тебе эта история ничего не напоминает? Не настораживает? Твой муж тюфяк, но не такой тюфяк, как ты думаешь. Твоя измена уже сорвала ему крышу, и если ты не прекратишь эту игру в любовь с 18-летним мальчиком, тебя ждет такой же финал.

– Я не изменяла мужу, – закричала Алиса.

– Но ты уже с ним не спишь, ты его не воспринимаешь как мужчину. Все твои мысли заняты другим человеком. И он это видит, чувствует, страдает, но он не может схватить тебя за грудь и вразумить кулаками. И тут ты права, он не способен на мужской поступок. Но когда этот маменькин сынок поймет, что он все потерял, у него сорвет крышу. В лучшем случае, он покончит с собой, в худшем – убьет тебя и ребенка. Десять человек из твоего списка социально опасных страдают бредом ревности, за каждым из них в прошлом убийства. Я понимаю, что после того, как Гарик спас тебя от неминуемой смерти, показав, каким должен быть настоящий мужчина, ты уже не сможешь жить с подкаблучником, с маменькиным сынком. Но у тебя нет выхода, ты должна доиграть эту роль. Ты меня поняла?

– Да, – чуть слышно произнесла Алиса.

– А теперь иди домой, к мужу, – приказала Лариса Ивановна. – И забудь об этом мальчишке. Эта игра в любовь плохо кончится не только для тебя, но и для всех нас.

– Я дождусь конца операции, – заупрямилась Алиса.

– Похоже, до тебя не доходят простые истины. У нас очень

опасная работа, а ты своим присутствием толкнула мальчишку на безумный поступок. Он остался один на один с вооруженным больным не потому, что Свистунов нуждался в срочной госпитализации, а потому, что Гарик в твоих глазах хотел оставаться героем, а не трусом, который испугался вооруженного бритвой больного. На бритву он пошел из-за тебя, хотя прекрасно понимал, чем это может закончиться для него. Он же в твоих глазах не простой санитар, он герой! Я вот смотрю на тебя и не могу понять, почему при твоём появлении солидные мужчины превращаются в идиотов. Почтенные отцы семейств, опытнейшие хирурги, пошли у тебя на поводу и чуть не погибли. Завтра будешь охмурять помощника прокурора, их заинтересовало побоище в хирургии.

Вторая ночь в крепости

Говоров подъехал к дому-крепости в половине одиннадцатого. Казимир, услышав звук мотора, выскочил во двор.

– Ну, и где вы пропадали столько времени? – спросил он, подозрительно осматривая Ядвигу.

– Машина на трассе сломалась, – соврала Ядвига. – А ты чего выскочил во двор. Бессонница мучает или изжога?

– Ты у меня самая большая изжога! – неожиданно заорал Казимир. – И этого толерантности учишь и европейским ценностям?! По глазам вижу, преподала уже первый урок! И как ученик, способный или ни разу не грамотный дикарь!?

– Ты меня уже достал своей беспричинной ревностью! – войдя в дом, громко хлопнула входной дверью Ядвига. – Кто тебе дал право меня позорить на глазах охраны и водителя? Что они о нас подумают!? Мы приехали просвещать дикарей, а ты сам ведешь себя, как неграмотный абориген. А еще профессор! Все, я обиделась, и с тобой сегодня разговаривать не буду. Скажи только, ужин сделал?

– В морозилке пельмени, сам лепил!

– Спасибо, пельмени на ночь я не кушаю. У меня фигура.

Ядвига прошла на кухню, сделала себе фруктовый коктейль, добавила туда специальный порошок для «женской страсти» и выпила все это строго по инструкции, в три приема. После чего приняла душ и вылетела из ванной злобной

фурией, в боевой раскраске и с горящими глазами. Подскочив к мужу, Ядвига, ни слова не говоря, сорвала с него одежду и швырнула Казимира на кровать, как мешок с песком.

– Вот сейчас мы и проверим, кто кому изменил! Я с Горовым или ты с его женой, поварихой!

Не ожидавший нападения профессор пытался защитить свое мужское достоинство руками, но был тут же громкой пощёчиной отброшен на спину.

О том, что было дальше, Казимир потом с ужасом вспоминал целый год. Такого неутомимого бешенства и злобы он никогда не видел ни у одной из женщин, в том числе и у Ядвиги.

Через два часа Казимир взмолился о пощаде, но Ядвига продолжала «любить» своего мужа. А чтобы он не засыпал и не терял форму, периодически наотмашь со всей силы била его по щекам.

В четыре утра профессор поклялся всем, что у него есть, в том, что он больше никогда не будет обвинять свою любимую жену в супружеской измене. Он даже предложил составить письменный меморандум на эту тему, но Ядвига ограничилась устной клятвой, несколько снизив накал страстей. В пять утра она успокоилась, и, как ни в чем не бывало, заснула у него на груди с мыслью о том, что в следующий раз будет строго выполнять инструкцию по применению специальной биологически активной добавки «Любовь ведьмы».

В девять утра Ядвига проснулась бодрой и помолодевшей. Она приняла душ, позавтракала и уехала в Казантип заключать договор о создании благотворительного фонда.

Говоров в машине забросал помолодевшую Ядвигу комплиментами и предложил продолжить уроки толерантности прямо с утра. А чтобы им никто не помешал, он долго петлял по проселочным дорогам, пока не нашел скрытую от посторонних глаз поляну. Там они простояли до обеда.

В отличие от супруги, избитый и истерзанный Казимир провалялся в кровати до обеда, после чего долго и с ужасом смотрел на свою опухшую физиономию.

– Первый раз ошибся, – чуть слышно бормотал профессор. – Нет, если б она с кем-то переспала, то на вторую серию у нее просто не хватило бы сил. Хорошо хоть меня до смерти не «залюбила», а то бы так и помер на чужбине на съемной кровати.

Ночная любовь

Домой Алису привезли в два часа ночи. Муж не спал. Он нервно курил на кухне.

– Почему так поздно?

– Я же тебе звонила, у нас ЧП. Санитара в больницу отвезли.

– Может, ты откажешься от этой работы?

– Мы уже эту тему с тобой обсуждали сто пятьдесят раз. Другой работы для меня в этом городе нет. Мне нужно сейчас осмотреть всех социально опасных больных, а потом все станет на свои места. Я буду сидеть в кабинете с медсестрой, выписывать лекарства и осматривать больных. Все. Не будет ни ночных вызовов, ни выездов на дом к убийцам.

– Почему ты меня игнорируешь как мужчину?

– Володя, не доставай меня. Я устала. У меня голова болит. Сегодня был сумасшедший день.

– Докажи, что ты меня любишь, – он схватил за плечи жену и попытался поцеловать ее.

– Не сегодня. Я устала. Уже поздно, – оттолкнула от себя мужа Алиса.

– Я хочу, чтобы у нас все было, как прежде.

Владимир еще раз попытался обнять жену, но она оттолкнула его.

– Ложись. Я скоро приду. Мне нужно умыться.

А потом в постели она лежала, закрыв глаза, и представляла на месте мужа Гарика. Она целовала и ласкала его страстно и нежно. Муж остался доволен.

«Может, Лариса права? – подумала Алиса после того, как Владимир отвернулся к стене и заснул. – Ничего хорошего эта любовь мне не даст. Красивый мальчик, сильный, смешной, кучерявый. В него можно влюбиться, но жить с ним она не сможет. Одни разговоры о том, что она бросила мужа, кандидата наук, ради восемнадцатилетнего санитара, ее добьют. А потом, влюбленность пройдет, и она останется вдвоем с мужем, который младше ее на шесть лет. И Володя не перенесет развод. Он еще может смириться, если она выйдет замуж за солидного мужчину, но восемнадцатилетний санитар из психбольницы – это страшный удар по самолюбию. Лариса специально послала ее на ночь глядя к страдающему бредом ревности убийце. Лариса хитрая баба, она сама положила глаз на Гарика, но она его не получит. Он будет мой, но спать я с ним не стану. Я буду изменять мужу ночами, находясь в его объятиях. Он хочет, чтоб я его любила, как прежде. Он получит эту любовь, только отдаваться я буду не ему, а этому мальчишке. Мне же хорошо было сегодня. Почему бы не повторить сегодняшнюю ночь и в другой раз».

В восемь утра Володя принес кофе и бутерброды в постель. Это был устоявшийся ритуал, после ночи любви Володя приносил Алисе «завтрак в постель».

– Такой, как вчера, я еще тебя не видел. Ты была восхитительна. Я боялся, что ты от меня сбежишь.

– Теперь не боишься?

– Ты же меня любишь. Я видел! Извини, что я тебя ревновал. Теперь у нас все будет хорошо. Это ж надо, приревновал тебя к какому-то санитару! Смешно. Прости! Я больше не буду.

– Вот и ладненько. И не надо меня больше встречать у ворот больницы. Если хочешь сделать приятное, приготовь ужин, убери в квартире. А на выходные забери сына у бабушки, а то он скоро нас забудет.

Книга о гипнозе

Гарик в больнице чувствовал себя героем. Он несколько раз пересказал соседям по палате историю о том, как голыми руками вырвал из рук шизофреника опасную бритву. Молоденькие медсестры, делая перевязки, называли его «наш герой» и откровенно заигрывали, а злобный Фридман прямо в палате принял у него зачет по «острому животу». Приходила к нему на свидание и Лариса Ивановна. Она взяла его правую руку и долго смотрела в глаза, а потом сказала: «Женщины любят манипулировать такими, как ты. Дели на десять, что они говорят, и не теряй голову от любви».

Гарик не удержался и спросил, чем занимается теперь Алиса Викторовна. Ездит ли она к социально опасным больным?

– Мы решили на время закрыть эту тему. Алиса Викторовна сидит на приеме и после кровавой ночи всей душой полюбила своего мужа-инженера. Так что подвиг твой она не оценила. Но ты не расстраивайся. Женщины не отличаются постоянством. Смотри, какие красавицы медсестрички вокруг тебя выются. Ты для них настоящий герой. Такой момент упускать нельзя.

А на следующем свидании Лариса передала ему толстенную книгу о гипнозе.

– Почитай, тут много интересного, и если ты не хочешь,

чтобы тобой манипулировали женщины, научись управлять людьми.

Один раз приходила к нему и Алиса. Она принесла апельсины и была страшно скованной. Гарик надеялся, что она его поцелует, но женщина была официально неприступной.

– Алиса, что случилось? – спросил Гарик, когда из палаты вышли больные.

– Ничего не случилось. Просто я совершила ошибку, которая могла привести к трагедии.

– Говорят, что ты вернулась к своему мужу?

– Я от него и не уходила, – холодно сказала Алиса. – Он мой законный супруг. Забудь обо всем. У тебя своя жизнь, у меня своя. Ты видел, к чему приводят измены.

– Ты боишься, что твой муж повторит судьбу Свистунова? – схватил за руку Алису Гарик.

– Я ничего не боюсь, но я не хочу смотреть на то, как страдают из-за меня близкие люди. Тебе это сейчас трудно понять, но когда ты станешь взрослым, ты поймешь меня.

Поцелуи у ворот психбольницы

После этого разговора Гарик решил вернуть Алису при помощи своих новых подружек. Он выбрал из медсестер хирургии самую красивую и стал открыто заигрывать с ней. А когда выписался из больницы, после первого рабочего дня у ворот психбольницы его встретила юная красавица. Мало того, на глазах Алисы он поцеловал свою подружку так же страстно, как и Алису.

Алиса Викторовна сделала вид, что ничего не заметила, и прошла мимо целующихся с гордо поднятой головой. Весь вечер Алиса думала, как избавиться от юной соперницы. На вопросы мужа она отвечала невпопад, а потом устроила супругу такую ночь любви, о которой он не мог и мечтать. Но целовала и страстно любила она не его, а своего восемнадцатилетнего мальчишку.

На следующий день на работе она вдруг поняла, что эта странная ночная игра в любовь с собственным мужем изменила ее жизнь. Ей уже не нужен был кучерявый мальчишка с его глупыми шутками, которого нельзя было по-настоящему любить. Женщина влюбилась в виртуального Гарика – красивого, опытного и ласкового, который по первому требованию был готов в постели выполнить любое ее желание. И ее меньше всего волновало, что за этим мужчиной стоял ее собственный муж. Она просто не открывала глаза до того

момента, пока не стихали страсти и не разрешала ему включать в комнате свет.

Владимир чувствовал некую странность в поведении жены, но боялся задавать вопросы о том, почему она ведет себя именно так, а не иначе.

«Может, старше стала, поумнела», – думал Владимир, прогуливаясь у ворот больницы в ожидании супруги. Теперь, по ее просьбе, он вновь встречал с работы Алису и несколько раз видел своего недавнего соперника, демонстративно целующегося с юной красавицей. Владимир даже завидовал Гарику, которого страстно целовала молодая стройная девушка.

А Алиса страдала. Она смотрела на Гарика, на его девочку и хотела убить их. Она, конечно, понимала, что Гарик устраивал это представление только для нее. Он хотел позлить ее, показать, какого мужчину она потеряла. А еще Алиса завидовала девочке Гарика, которая по-настоящему страстно любила его. Ее ничто не сдерживало, ей не надо было оглядываться по сторонам и прятать свою любовь от нелюбимого мужа.

В такие дни попытки Владимира заговорить с женой во время вынужденных вечерних прогулок по городу наталкивались на ее односложные «да» и «нет».

В отличие от Алисы, медсестра Светлана влюбилась в юного студента с первого взгляда еще тогда, когда он вывел

из палаты вооруженного осколками стекла больного. А потом она не отходила от него после операции, делала перевязки и даже с ложечки кормила его куриным бульоном.

Девчонки из хирургии внимательно следили за любовным романом своей подруги, и все допытывались у Светланы, чем они занимались минувшим вечером.

– Все, как всегда, – вздыхала Светлана во время перерыва между операциями. – Вначале были показательные поцелуи перед этой врачихой и ее мужем, потом гуляли по набережной, ели мороженое в коктейль-баре, после чего через весь город он провожал меня домой на Слободку.

– А целуется-то он как? – торопила операционная сестра Люба.

– У него пальцы, как у пианиста. По позвоночнику как проведет, и я уже всё. Он точки знает, что устоять невозможно, и целуется классно.

– Ну, а дальше, что было? – сгорая от нетерпения, спросила Люба.

– Дальше ничего не было, и не будет, – махнула рукой Света. – Я ж ему на первом свидании сказала, что я – девушка, и все остальное после свадьбы. А он поверил и теперь даже не пытается. Постоял немного у ворот и ушел.

– Ты его домой пригласи. У тебя же мамаша ночами дежурит.

– Приглашала. Не идет. Неудобно, говорит, – тяжело вздохнула Света. – Обидеть боится. Говорит, что может

не устоять.

– Ты и уши развесила. Врет он тебе все, – неожиданно вмешалась в разговор старшая сестра отделения тридцатилетняя Наташа. – Он по врачихе своей сохнет, Алисе. У нас все хирурги с ума сошли от нее, даже Фридман психа умирять пошел с одеялом в руках. А Фридман наш ничего тяжелее скальпеля в руках не держал и ни в одной пьяной драке не участвовал.

– Зато Гарик им всем нос утер листком бумаги. Я как увидела бегущего по коридору окровавленного психа со стеклами в руках, чуть со страху не умерла. А Гарик бежит рядом, как ни в чем не бывало. А силища у него...

– У кого, у психа? – спросила Люба.

– При чем тут псих. Гарик как к груди прижмет, туши свет. Косточки трещат. Потом извиняется. Я то ему говорила, что мне ласковые и нежные нравятся. Но временами у него от меня крышу конкретно срывает. Я как представлю, что бы он со мной в постели сделал, до утра заснуть не могу.

– А с виду дохляк натуральный, ни мышц, ни шеи накаченной, – скривила губки Люба. – Хотя там-то у него то, что надо, выросло. Я ему укол делала и случайно потрогала. У него в два раза больше, чем у Фридмана, будет.

– А ты и Фридману укол в ягодицу делала? – подколола Любу старшая медсестра Наташа.

– Ага, он тут всем уже по уколу сделал. Но это ошибка молодости была. Сейчас я бы ни за что ему не дала, я му-

скулистых люблю, спортсменов. Чтобы он мышцами поиграл на свету до того, как.

– Видела бы ты, как Гарик двух качков накаченных в баре отметелил! Один из них меня на танец пригласил. Я отказала. Тогда они вдвоем подходят, и давай права качать. А Гарик встает со стула и просит их отвалить от меня, так культурно, вежливо просит. Ну, те еще сильнее наглеть стали, меня шалавой обозвали. И тут он юлой завертелся и врезал им по затылку кулаком. Вначале одному, а потом другому. Так оба качка метра три по воздуху пролетели и на ноги встать сами не смогли. А Гарик подошел к ним и извинений потребовал передо мной. И они извинились. У меня такого парня никогда не было. А потом идем по набережной, и он ни слова о драке. Другой уже весь мозг бы проел своими воспоминаниями, как он врезал. А Гарик стихи Есенина читает.

– И чего удивляешься, он же в психушке работает. Их там таким приемчикам учат, что мама не горюй. К нам медсестра приезжала за больным летом. Гарик в отпуске был. Так она мужику руку заломила не хуже милиционера, – произнесла Люба. – Пошли руки мыть. Сейчас больного привезут. Потом договорим.

Встреча с колдуном

Прошла неделя. По просьбе Алисы Викторовны главврач перевела ее на амбулаторный прием в первую смену. Рабочий день теперь у Алисы начинался в восемь, а заканчивался в два часа дня. За это время она должна была осмотреть два десятка больных, назначить им лечение и решить проблемы с соседями и сослуживцами.

Это утро не предвещало для Алисы особых проблем. Все было, как обычно. И только через несколько лет она поняла, что именно это утро стало переломным в ее жизни.

Первой в кабинет участкового психиатра вошла медсестра из регистратуры Елена Ивановна Кравчук. Она положила на стол какие-то бумаги и сказала, что привели на прием колдуна.

– Кого привели? – переспросила Алиса Викторовна.

– Колдуна Ивана.

– Он у нас на учете?

– Колдун Иван настоящий колдун, – пояснила Кравчук.

– Из детской сказки, – улыбнулась Алиса.

– Вы не смейтесь, он настоящий колдун. Он посмотрел на меня и сказал, что я извела своего мужа, и за это он накладывает на меня венец безбрачия.

– Мало ли что несут наши больные.

– Он не больной. Я действительно извела своего мужа. Я

ему в еду тайно подсыпала антабус, чтобы он бросил пить. Некоторое время Вася не пил, а в понедельник встретил на вокзале своего давнего друга. Они вдвоем распили бутылку водки, и Вася умер.

– С мужем твоим понятно. Это несчастный случай. А кто колдуна привел сюда?

– Они, – ткнула пальцем в потолок Кравчук. – Двое в штатском. Они сказали, что в милиции месячник по борьбе с колдунами и ведьмами. А этот колдун не простой, он антисоветский колдун.

– Лариса Ивановна где?

– Я ее с постели подняла, разбудила. Она сказала, чтобы вы осмотрели этого колдуна, не заводя карточки и ни в коем случае не направляя его в стационар до ее прихода.

– И когда она придет?

– Не знаю, она только что проснулась и, судя по всему, не одна.

– Зови.

– Кого, колдуна?

– Нет. Зачем мне колдун. Сопровождающих зови.

– Через минуту в кабинет вошел похожий на ворона мужчина в сером костюме. Он издали показал красную книжечку.

– Меня зовут Петр Петрович Мухин. Я – референт самого Сергеева, – произнес он.

– Извините, референт кого?

– Сергея Сергеевича Сергеева, – выделяя каждое слово, повторил мужчина и, перейдя на шепот, продолжил:

– Сергеев хозяин этого города. Он первый миллионер Казантипа.

– Почему об этом вы говорите шепотом? Хотите подчеркнуть значимость вашего хозяина, – поддела мужчину Алиса.

– Он не мой хозяин, он хозяин всего Казантипа. Вы у своего главврача спросите, кто такой Сергеев.

– Вы знаете, я не любопытна, и местные предприниматели меня не интересуют. Так кого вы привезли сюда?

– Мы доставили в больницу колдуна Ивана на стационарное лечение.

– Насколько я знаю, он не состоит на учете. Вы врач, или у вас есть направление от врача?

– Нет. Я не врач, я десять лет проработал в органах, а врач здесь вы, вы и заполните направление, а мы отведем колдуна в приемный покой.

– Я не поняла, кто вы, собственно говоря, такой, чтобы здесь командовать? – неожиданно повысила голос Алиса.

– Я референт Сергея Сергеевича Сергеева. Подполковник в отставке.

– Даже если вы отставной офицер и референт какого-то предпринимателя, это не дает вам права на то, чтобы хватать на улице людей и тащить их в психбольницу. Для этого существуют специальные службы, руководят которыми не отставные офицеры, а действующие.

– А вы не слышали, что отставных чекистов не бывает? – с угрозой в голосе спросил референт.

– Нет. Не слышала. Для меня на работе существуют действующие сотрудники милиции и рядовые граждане, которые не имеют права беспричинно задерживать людей. Это во-первых, а во-вторых, никого класть в стационар я не буду без разрешения главврача, – сделав официальным лицом, проговорила Алиса.

– Хорошо. Забыли прелюдию. Скажите, а побеседовать с этим колдуном вы можете?

– Побеседовать смогу, если он пожелает со мной общаться.

«Интересно, кто сегодня ночью ублажал Ларису Ивановну. Она могла и Гарика затащить в свою постель», – подумала Алиса. То, что Гарик не скрывал свои чувства к медсестре из хирургии, ее не волновало. Молодая девчонка, как нашла, так и потеряет, а вот Лариса – это другое дело. Если он окажется в ее постели, он уже никогда не вырвется от нее. Сорокалетние бабы умеют привораживать молодых парней раз и навсегда.

В этот момент открылась дверь, и в кабинет царственной походкой вошел колдун Иван. На нем был дорогой расшитый золотом узбекский халат, золотая цепь на груди и высокий головной убор, похожий на «тройную тибетейку». В руках он держал волшебный кристалл.

– Это не мне надо лечиться, – торжественно произнес кол-

дун. – Гложут тебя страшные мысли об изменах и наслаждениях. Грех изменять убогому с молодым и ветреным, грех. Смирись и живи с убогим.

«Черт возьми, он читает мои мысли, – ужаснулась Алиса. – Может, он и вправду колдун?»

– На что жалуетесь? – не поднимая головы, спросила Алиса Викторовна.

– На сатрапов этих жалуюсь, так и запиши. Невинного человека привезли, в психдом упрятать хотят за правду и истину.

– Я о здоровье вашем спросила.

– О здоровье вам и сказал – здоров, а вот подполковника язва гложет. Умрет скоро, и туда же, к колдунам и ведьмам. О здоровье подумай, нечестивый!

– Со здоровьем вашим понятно, – прервала Алиса. – А теперь, скажите, как вы стали колдуном?

– Это известно всем на этой земле, и вы знаете!

– Я ничего не знаю о вас.

– Обо мне газеты писали и по телевидению рассказывали. Меня током убило на железной дороге зимой. Ночь в сугробе пролежал. Потом дружок домой принес в деревню. Дохторша осмотрела и признала мертвым, а когда в могилу опускали, я и ожил. Журналисты про этот случай узнали. Отвезли в НИИ атомной физики, чтобы ученые изучили мой феномен, там признали меня колдуном, вот с тех пор и предсказываю людям их жизненный путь. Привороты знаю силь-

ные и отвороты. Венец безбрачия снять могу, судьбу по руке предсказать.

– Не верьте ему. Мошенник он, а не колдун, – тут же прокомментировал рассказ колдуна Мухин.

– За слова эти ты попадешь в ад, – моментально отреагировал колдун. – И умрешь не как мужчина, а засранцем – от дизентерии.

– Стоп, – на полуслове оборвала колдуна Алиса. – Кто и от чего умрет, никто не знает. Скажите, пожалуйста, вы когда-нибудь обращались к врачам-психиатрам?

– Один раз, когда за правами ходил.

– Вы управляете автомобилем?

– Да, я езжу на черной «Волге», – подтвердил колдун. – При моей профессии без машины никак нельзя.

– С ваших слов записываю, что вы уже проходили обследование у врача-психиатра, и он, на момент осмотра, не обнаружил у вас каких либо психических отклонений.

– Конечно, вот мои права, – вскочил со стула колдун Иван, протягивая врачу документы.

– С этим разобрались. Ваши права выписаны на фамилию Бояркин, имя Вадим, а вы мне представились Иваном.

– Поясняю с удовольствием, – посмотрев на магический кристалл, продолжил колдун. – Иван мое колдовское имя. Не стану же я себя называть колдун Вадим. Это не звучит, а вот колдун Иван – совсем другое дело. Словосочетание колдун Иван создает в сознании человека образ настояще-

го мага и волшебника, возвращает потенциального клиента в детство и дает мне широкий простор для устранения болезней, порчи, наговоров и прочих гадостей, которые преследуют моего клиента.

– С псевдонимом я поняла. А настоящая ваша фамилия Бояркин. И родились вы в Москве, – перелистав паспорт, уточнила Алиса.

– Да, эта фамилия у меня в паспорте прописана.

– И еще вопрос, вас когда задержали?

– Утром. Я грехи готовился отпускать убогим, а тут пришли эти двое и к вам привезли.

– При задержании вы сопротивлялись?

– Нет.

– Вас били?

– Нет. Все было прилично. Меня посадили в машину и привезли сюда.

– Теперь расскажите, почему вас привезли в больницу?

– Об этом я могу рассказать, доктор, вам наедине. Пусть эти двое выйдут, и я вам расскажу всю правду о своей жизни.

– Оставьте нас, – попросила Алиса. – Мне поговорить с больным надо без свидетелей.

– Мы этого не можем допустить. Он опасный преступник, – возразил Мухин.

– Тогда забирайте своего колдуна и идите к другому врачу.

– Доктор, мы заботимся о вашей безопасности, он очень

опасный преступник. Он вас изнасиловать может, – продолжил подполковник. – А вы такая красивая.

– Вы идите в коридор и сидите у двери моего кабинета, как только колдун насиловать начнет, я вас позову, – улыбнулась Алиса.

После того, как сопровождающие покинули кабинета, колдун подошел к Алисе и зашептал ей в самое ухо: «Вы спасите меня от этих сатрапов, и я решу все ваши проблемы прямо сегодня. Они меня в дурку хотят спрятать не потому, что я больной, а из-за моих предсказаний. Короче, приходит ко мне баба начальственного вида, еще не старая, но уже и немолодая. И говорит, погадайте, с кем спутался мой муж, сил на меня у него совсем не осталось. И фотку на стол кладет, а кем работает, не говорит, но по всему видно – начальник большой. Я ей говорю, а фото секретарши его у вас есть? Она вытаскивает несколько фотографий и кладет на стол фотографию женщины с распутными глазами. Я это фото к магическому кристаллу поднес и говорю ей внушительно: «Высшие силы только что оповестили меня о том, что все соки из вашего мужа высасывает его секретарша в обеденный перерыв в комнате отдыха».

Выслушала она мой приговор и не уходит. Думает о чем-то, а потом спрашивает: «А чем докажете, что это так?».

Я смотрю на бабу, и у меня сомнения вдруг появились, ну не похожа она на женщину, лишённую мужских ласк. Сытая такая, спокойная, короче, удовлетворённая жизнью баба пе-

редо мной сидит, и не один раз. И тогда я иду ва-банк: «А хотите, я на вас погадаю?». Она мне – гадайте. Ну, я и выдал ей про любовника. И говорю, могу, мол, даже отгадать, кто из тех, что остались на двух фотках, ваш любовник.

Она фотки кладет на стол, а я сам думаю, чего бы взрослая баба фотку чужого мужика с собой таскала к колдуну. И тогда говорю ей, что они двое ее любовники и есть. А этот, я показываю на молодого, полчаса назад с вами в постели лежал, и вы им остались довольны.

Молодого я в окно видел. Он ее подвозил к моему дому.
– Тут она подскочила и кричит: «Ну, сучка, сейчас она у меня получит». Деньги оставила и ушла. А утром прибежали эти двое и привезли сюда за провокацию и подрыв устоев нашего государства. Оказалось, что эта баба дождалась обеденного перерыва и вытащила из комнаты отдыха голую секретаршу своего мужа. А та, в свою очередь, обвинила жену начальника в том, что она заставила ее мужа удовлетворять ее желания в рабочее время. Короче, подрались эти бабы в приемной большого начальника до крови. Но это еще не все. Во время драки выяснилось, что этот молодой и с секретаршей, и с женой начальника по первому требованию ложился в постель. А я в этой истории крайним оказался. Они меня хотят в дурку сплавить, чтобы я нигде не проболтался об этом пятиугольнике. Дураком хотят сделать, а с дурака какой спрос. Вы мне помогите, а я вашу проблему решу.

– У меня нет никаких проблем, – быстро сказала Алиса.

– Есть проблема. И я ее решу прямо сегодня.

Страшная тайна казантипского пятиугольника

Вскоре в своем кабинете появилась Лариса Ивановна. Первой к себе она вызвала Алису Викторовну.

– Что с колдуном? Докладывай.

Алиса пересказала версию колдуна о пятиугольнике.

– И что нам теперь делать с этим колдуном?

– Послать кое-кого подальше. Он абсолютно здоров.

– Мухина посылать нельзя, – покачала головой Лариса. – Он правая рука самого Сергеева. А Сергеев самый богатый человек в городе. Раньше он подпольные цеха держал, а сейчас из тени вышел. Миллионер. Пиши направление.

– Я писать не буду. А если ты напишешь, колдун на тебя порчу наведет. Всех любовников растеряешь. Или венец безбрачия на тебя повесит, и не будет у тебя больше мужа, – предупредила о возможных карах Алиса. – Лариса, он все знает и про меня, и про тебя. И про мужа моего, и про Гаррика, и всех твоих мужей перечислил.

– Тащи сюда колдуна с сопровождающими. Я с ними сама разберусь.

Следующие два часа Лариса Ивановна провела в беседах с колдуном и Мухиным. Бывший чекист настаивал на сроч-

ной госпитализации колдуна с диагнозом шизофрения, Лариса говорила, что колдун психически здоров, и в больнице ему делать нечего.

– В месте, времени ориентируется, рассуждает вполне логично, бреда и галлюцинаций нет. С чем я его положу?

– Он больной уже потому, что называет себя колдуном. Он мошенник, а не колдун, – стал объяснять врачу Мухин.

– Так посадите его за мошенничество.

– Мы не можем его посадить из-за того, что он постарается разгласить конфиденциальную информацию.

– Вы имеете в виду любовный пятиугольник? – улыбнулась главврач.

– Повторяю еще раз. Не было никакого пятиугольника. Этот негодяй клеветает на честных и порядочных людей.

В конце-концов отставному офицеру все же удалось убедить Ларису Ивановну в том, что в данный момент колдун Иван представляет страшную угрозу жителям города и нуждается в срочной госпитализации.

– А вы представьте на секунду, что и с вами такая история приключилась. Лежите вы в комнате отдыха с уважаемым высокопоставленным мужчиной, а тут в кабинет его жена врывается с криками и оскорблениями, – голосом предсказателя заговорил Мухин. – И что вы будете делать в такой ситуации?

– Вы забыли сказать, что жена этого высоко сидящего товарища к тому же вооружена пистолетом, украденным у ми-

лиционера, или автоматом, – громко рассмеялась Лариса. – Не будет этого никогда, потому что на работе я работаю, а с мужчинами встречаюсь исключительно за закрытыми дверями в своей квартире в вечернее время.

– Я бы на вашем месте не зарекался, – покачал головой Мухин. – В этой жизни всякое может случиться. Сегодня вы сверху и на коне, а завтра уже кто-то на вас скачет в светлое будущее.

Но главным аргументом в медицинском споре стали не симптомы болезни и предсказания, а список любовников Ларисы Ивановны, в котором десятым номером проходил санитар психбольницы Гарри Барский.

– Вы мне тут лишних любовников приписали, с малолетками я не сплю принципиально, но в принципе я согласна. Мы с вами должны блюсти моральные принципы строителя коммунизма. Вы же ко мне из светлого прошлого пришли. Поэтому сделаем так, я после обеда отправлю колдуна Ивана в республиканскую больницу на ВКК и попрошу своих коллег принять правильное решение. А уж как они его будут лечить и где, – это не моя проблема.

– Направление кто напишет? – уточнил Мухин.

– Я напишу. А за это вы дополните мой список молодым, красивым и неутомимым, чтобы его на всю ночь хватало, а не на пять минут по воскресениям.

– Мы поищем, – расплылся в улыбке подполковник.

– Я пошутила. Мне еще ваших жеребцов не хватало в по-

стели. А вот про пятиугольники я раньше не слышала. Молодцы мужики. Это ж надо такое придумать. Женами поменялись.

– Тут ведь дело не в том, что народ у нас плохой, дело в том, что чужая баба всегда лучше своей кажется, – перешел на шепот Мухин. – Ну, поменялись мужья женами, а результат оказался тот же.

– Почему же, женщины-то в выигрыше были с дополнительными ласками.

– Не оценили, Лариса Ивановна. Это же надо такое кадило раздуть на пустом месте с мордобоем. До самого Сергеева дошло. Он и дал команду закрыть тему. Теперь этим бабам ни разнообразия, ни дополнительной любви. Будут довольствоваться тем, кто в паспорт вписан для постоянного использования.

Телефонный разговор

После того, как кабинет главврача психбольницы покинули Мухин и его помощник, Лариса Ивановна набрала телефон сотрудника службы безопасности Окраины.

– Лоскутов слушает.

– Орест Геннадиевич, Лариса Ивановна беспокоит. Тут меня с утра бывший наш куратор насильовал.

– Мухин, что ли? – уточнил Лоскутов.

– Он самый.

– И чего он хотел?

– Притащил колдуна Ивана на прием. Говорил, что по просьбе самого Сергеева. Просил закрыть его на некоторое время в Краснолиманской психбольнице. Я отправляю колдуна на ВКК, но перед тем, как звонить коллегам, хотела бы узнать, правильно ли мы поступаем?

– Первое. Колдун гнилой и мутный мошенник. Его мнимая смерть и прочие подвиги – ничем не подтвержденное вранье. Насколько мне известно, этому колдуну стали известны подробности любовных походов одного из заместителей председателя горисполкома. Он вроде бы со своим помощником женами менялся.

– Колдун Иван рассказывал о пятиугольнике, – подтвердила Лариса Ивановна.

– Так вот, этот заместитель курирует в городе бизнес, по-

этому и вписался в эту тему Сергеев.

– И что мне делать? Мухин говорил, что бывших чекистов не бывает, – спросила Лариса Ивановна.

– На Украине уже не только бывших чекистов нет, но и самой организации, а та контора, в которой я продолжаю работать – это уже нечто другое. Кстати, Мухина уволили из органов по недоверию. Так что к вам приходил не бывший чекист, а частное лицо, продавшееся с потрохами пластмассовому королю Сергееву. Вот, и сделайте вывод.

– То есть, звонить мне никому не надо.

– Думаю, что этот звонок будет лишним, – после короткой паузы проговорил Лоскутов. – А мы наблюдаем за этой историей со стороны.

Поездка в Краснолиманск с колдуном

После телефонного звонка из регистратуры Гарик прибежал в больницу минут через десять.

– Что случилось? Мне сказали, ЧП серьезное, – обратился он к водителю Косте, который не спеша доедал второй карамельный пирожок.

– Ага, серьезное, чинушам из казенного дома задницу прикрывать будем. Государственного преступника повезем на ВКК, – ответил Костя. – Вот охота мне пилить сейчас в Краснолиманск, а потом еще по этому списку.

– Вечером с Ларисой поедем?

– Нет. С Алисой из страны чудес. Так что готовься, будет тебе и дудка, будет и свисток.

– Что ты меня пугаешь, ну что она мне сделает?

– Ты про сестру милосердия вспомни. Сейчас получишь и за сестру, и за милосердие. Но баба там, конечно, в теле. Заводная. Вот только в жены такую оторву я бы из хирургии брать не стал. Каждый день мужиков видит со всеми делами, бреет там. Я как только представлю, чтобы моя жена брила какому-то козлу причинное место, член его в свою руку брала, так у меня всякое желание пропадает.

– Надо свой аргумент иметь весомый. Тогда и за бабу бу-

десь спокоен. А если у некоторых на раз пописать осталось, то от такого Геракла последняя парикмахерша сбежит, – зло ответил Гарик. Ему не понравилось, что Костя стал обсуждать особенности работы его подружки.

– Тоже мне, нашелся мужик с весомым аргументом, иди колдуна принимай. У диспансера двое в штатском стоят.

В этот момент из регистратуры вышла Алиса. Она поддерживала под руку колдуна Ивана.

– Смотри, как баба сияет. Она тебе замену нашла. А чего, колдун в самом соку. Чувствуется, крепкий мужик и с бабьем общаться умеет, не то что некоторые.

Гарик направился к Алисе, собираясь забрать у нее больного, но она остановила его:

– Я в помощниках не нуждаюсь. Сама доведу.

– Его обыскать надо перед поездкой, – нахмурился Гарик.

– Себя обыщи.

– Алиса Викторовна, это не я придумал. Это в правилах транспортировки душевнобольных записано.

Алиса довела колдуна до машины, уложила его на носилки и сама села рядом.

– Это мое место, – подлетел Гарик к машине. – Я должен находиться рядом с больным.

– Садись вперед и закрой окно в салон, – ледяным тоном произнесла Алиса.

– Это нарушение инструкции. Рядом с больными находят-

ся санитары. Для врачей место впереди.

– Не нравится, иди к Ларисе Ивановне, а мы поедem без тебя.

– Но я же отвечаю за больного, – стоял на своем санитар.

– За больного отвечаю я, а ты мне поможешь, если я попрошу. Ты меня понял? – повысила голос Алиса. – Я здесь врач, а ты всего лишь санитар.

Гарик сел рядом с водителем, но с таким расчетом, чтобы можно было видеть, что происходит в салоне.

– Костя, а ты заблокировать замки на дверях в машине можешь?

– Это что тебе, мерседес бэмс? Ты едешь на самой старой машине горздрава. Ее со «скорой» списали пять лет назад. Сказали, для психов сойдет. Но ты не бойся за психа. Никуда он не денется. Ему сначала с носилок встать надо, а потом через Алису перелезть. Я в зеркало их хорошо вижу.

– Вышвырнет он на ходу ее из машины, а мне отвечать.

– А Алису тебе уже не жалко, – поддел Гарика шофер. – Она же при падении на асфальт носик свой прекрасный может поцарапать. Но если без шуток, не ожидал я от Алисы такого. Она что, на колдуна запала?

– Передо мной выпендривается, неужели не понял? Опять начальника из себя корчит, а больных обыскивать перед поездкой положено. Вдруг у него нож или заточка в кармане?

– Брось пургу нести. Ты сам виноват в своих проблемах. Зачем с этой сестрой милосердия спутался? Вот Али-

са и злится на тебя. И поверь мне, она за эту медсестричку колдуна попросит порчу на тебя навести, чтоб ты не мог ее ночами ни разу. Колдун – это большая сила.

– Не было у меня с этой медсестрой ничего. Целовались только.

– Это ты Алисе расскажешь, а в больнице девчонки из хирургии про тебя слухи распускают, говорят, что ты Светке ребенка заделал, а еще говорят, что ты ее девять раз за ночь смог.

– Это не про меня. Я мальчик скромный, вежливый, женщин не обижаю по девять раз за ночь.

– Расскажи, как она в постели.

– Кто?

– Ну, медсестра твоя.

– Говорю ж тебе, не было у меня с ней ничего, кроме показательных поцелуев, чтобы Алису и ее мужа позлить.

– Вот кого не люблю, так это тихушников. Мы тебя, на ночь глядя, зачем на Слободку везли?

– Я Ларисе хотел показать, что у меня постоянная девчонка есть.

– Ну, типа, что ты уже взрослый.

– Нет. Лариса со мной в последнее время разговоры непонятные заводит о женщинах и любви.

– Это она тебя от Алисы отваживает. После того, как у нас появилась эта красотка, Лариса в парикмахерскую уже три раза ездила, прически делала с завитушками, платье новое

пошила нарядное. А ты ее старухой обозвал.

– Не говорил я такого, что ты несешь. И дома у Светки я не был. Она меня предупредила, что замуж хочет девушкой выйти, а не бабой потасканной, чтобы муж у нее первым был.

– Похвальное желание. А я думал, что ты себя для Алисы бережешь.

– А что мне беречь, если у меня еще по-настоящему женщины не было. Светка сказала, что сделает для меня все после свадьбы, а в училище девчонкам ничего этого не надо. Целоваться с парнями любят, а как до дела дойдет, орать начинают на всю общагу.

– Тебя послушать, так ты последний девственник Казант-типа. Люди, держите меня. Сейчас умру от смеха, – заржал шофер. – А вот я не стесняюсь своих походов. Что было, то было. Моя жена всех моих баб знает, которые у меня до нее были.

– Костя, скажи, а зачем ей эта информация?

– Чтоб ценила сильнее, раз другие любили, значит, настоящий мужик.

– А если своей будущей жене в день свадьбы своих прошлых баб не предъявил, то уже дефективный?

– Ну, вроде того, это же реклама, знак качества.

Пока водитель с санитаром говорили о медсестрах, врачах, и любви, колдун Иван прокручивал в голове разные варианты своего чудесного освобождения. Вначале он хотел

выпрыгнуть из машины, но бегать по полям в тяжелом узбекском халате – занятие не самое лучшее. Можно было взять в заложники Алису, но он побаивался санитара, который вначале бьет, а потом думает. Оставалась только Алиса, которая слушала колдуна, раскрыв рот.

Вначале, чтобы убедить врача в своих чудодейственных возможностях, он небольшими порциями выдавал сокровенные тайны ее личной жизни. Женщина была поражена. Потом он перешел к Ларисе Ивановне. Глядя на волшебный кристалл, перечислил всех ее мужей и любовников. Потом рассказал о том, чем занимается ночами санитар Гарик с медсестрой Светой из хирургии в красках и подробностях. Этот рассказ произвел неизгладимое впечатление на врача.

– И как ты могла, красавица, врач, замужняя женщина, связаться с этим ничтожеством?! Брось его. У тебя с санитаром по определению ничего не может быть. Кто он и кто ты, – повысил голос колдун. – Я не вижу его рядом с тобой. Забудь о нем и никогда не подпускай к своему телу.

– У меня с ним ничего не было.

– Это ты мужу расскажи, а не мне. Я же видел, как ты его строила. К другой бабе ушел, а ты его обратно вернуть пытаешься.

– Вы ошибаетесь. Это неправда.

– Да не суетись ты так. Не пара он тебе. Ищи солидного мужика, с положением и деньгами. А этого выбрось на помойку. Он мизинца твоего не достоин. Ничего в нем нет: ни

силы, ни красоты мужской, ни перспектив. Да и в семье с ним непросто будет. Чуть что, побежит прицел проверять с другими дамами.

– Вы будущее умеете предсказывать? – решила сменить тему Алиса.

– Я не предсказываю, я указываю на твой путь, и ты пойдешь по нему, как только звезды на небе выстроятся в определенном порядке. Руку давай.

Алиса раскрыла ладонь. Колдун прикрыл глаза и провел большим пальцем по линии жизни.

– У тебя будут три жизни: одна здесь. Короткая и прямая, с побегом от мужа. Потом дальняя дорога. И новая любовь, новая страсть, а потом ты вернешься к своему мужу и сыну, и до самой смерти будешь замаливать грехи перед богом.

– А Гарик?

– Его нет в твоей жизни. Он или погибнет молодым, или исчезнет из твоей жизни навсегда. Не знаю, но я его не вижу рядом с тобой. И еще, бойся «пиковую даму». Она будет тобой управлять до конца жизни.

– Пиковая дама – это главврач? – уточнила Алиса.

– Пиковая дама – это дама пик. Может, и Лариса, а может, и какая-то другая женщина. Я не знаю.

– Гарика и вправду могут убить?

– Работа у него не простая, но это не связано с работой. Просто ты его предашь дважды и будешь наказана! Все, больше ничего не скажу. Бросай его и забудь. Поклянись, что

ты больше не прикоснешься к нему. Клянись и целуй мою руку. И я сниму с тебя это проклятье.

– Я не верю твоим предсказаниям, – отодвинулась от колдуна Алиса. – И руку убери свою. А то они машину остановят и накостыляют тебе.

– Твое дело верить или нет. Я могу ошибиться. Но Гарик человек злой и жестокий. Нет. Не так. Сегодня это образ злого и сильного санитаря, которого должны бояться больные. По-настоящему злым и жестоким он станет после того, как ты его предашь, и уедешь из этого города. А потом он встретит тебя и сойдет с ума.

– Мы уже подъезжаем к больнице. Меня просила Кравчук поговорить о ее проблемах, – попыталась сменить тему Алиса.

– Ты посмотри вокруг, какие достойные мужчины тебя окружают. Даже я, колдун Иван, оценил твою красоту. Ты лучшая в этом городе. Ты самая красивая, и самая привлекательная. И я не такой старый, как ты думаешь. Помоги мне, и я помогу тебе. У тебя все впереди, а на вашу медсестру я наложил порчу, потому что она убила антабусом своего мужа. Кравчук работала в психбольнице и прекрасно знала, что травит своего мужа ядом. Без согласия больного врачи антабус не назначают. Иван не знал, что его супруга-медсестра тайно подсыпает ему в еду этот опаснейший яд. Муж умер, и чем мы можем помочь ему, ей. Фактически она совершила убийство, и за это убийство придется ответить еще при этой

жизни.

– Я все поняла, – помрачнела Алиса. – А теперь то, что касается вашего ближайшего будущего. Вас поместят в первое отделение. Я поговорю с заведующим. Он мой давний знакомый. К вам отнесутся по-человечески, с уважением. Не конфликтуйте с персоналом. Санитары и фельдшера описывают поведение каждого больного. От этих записей зависит решение ВКК. Через три дня вас могут выписать с неврозом или психопатией, или оставить на несколько месяцев в буйном отделении с шизофренией. Все зависит от вас и от журнала наблюдения за больными. Если там будет запись: «Нападение на персонал и угроза врачам», – никто вам не поможет. Забудьте в больнице, что вы колдун и хороший психолог. Вы здесь случайный пассажир, направленный на обследование, и все. И не вспоминайте там своих обидчиков. В направлении нет ни слова о том, что произошло на самом деле.

Игра в любовь

Алиса отвела на ВКК колдуна. Гарик следовал за ней. Среди тех, кто должен был обследовать больного, был высокий стройный мужчина в тщательно отутюженном халате. Увидев Алису, он вскочил со своего стула, подбежал к ней и стал расспрашивать о делах.

– Алисонька, и как вам Казантип? Не жалеете, что покинули столицу?

– Честно говоря, Виктор Иванович, жалею. Скучный город. Работа – дом. А вы еще не женились?

– Нет. Моей женой может стать только самая красивая женщина полуострова. Но она замужем.

– Найдите другую, – улыбнулась Алиса.

– Я вас видел вчера во сне. А это знак. Скажите, что вас привело сюда? Я чем-нибудь могу помочь?

– Да, мне нужна ваша помощь.

– Ну, тогда прошу в мой кабинет, Алиса Викторовна. У меня есть прекрасный кофе. Коллеги, перерыв.

– Подождите нас здесь, – бросила Гарику Алиса.

– Нам ехать надо. Или оформляйте, или я везу его назад.

– Кто этот молодой человек? – удивленно уставился на Гарика заведованием.

– Санитар из нашей больницы.

– У вас санитары врачами командуют, Алиса Викторовна?

Молодой человек, повторите, что вы сказали.

– Я сказал, или вы оформляйте больного, или я везу его в Казантип. У меня времени нет ждать, пока вы с доктором будете кофе пить. У нас машина без дела стоит.

– Ну и нахал, – протянул врач. – Василий Георгиевич, осмотрите больного и оформите документы. Я подпишу. А вас я запомню, санитар, как ваша фамилия?

– Гарри Барский из Казантипа. Запишите, пожалуйста, а то у пожилых мужчин бывают провалы памяти.

– Гарик, ты что себя позволяешь! – закричала Алиса. – Я доложу главврачу, что ты тут устроил!

Она подхватила врача под руку и пошла с ним по коридору.

– У меня персонал по струнке ходит, – не мог успокоиться Виктор Иванович.

– Я сам поговорю с Ларисой Ивановной. Этого хама надо отстранить от работы.

Неожиданно он остановился и крикнул: «Василий Георгиевич, вызовите санитаров из первого отделения. Пусть сопровождают больного. Вы меня слышите?».

– Слышу.

– Я требую отстранить этого хама от работы.

Через пять минут в кабинет ВКК влетели два здоровых санитара с полотенцами в руках.

– Что тут у вас случилось? – спросил один из них.

– Виктор Иванович отстранил от работы санитара из Ка-

зантипа. Петр Петрович, отведите больного в приемный покой. Пусть оформляют. А этот хам останется здесь.

Санитар повернулся к сидящему у окна Гарику.

– Тебя, что ли, отстранили? – удивленно посмотрел на Гарику санитар. – Да он у нас две недели стажировку проходил. У него же нервы из железа.

– Он оскорбил заведующего отделением, – продолжил врач ВКК. – При даме намекнул на его возраст. А такого Виктор Иванович никому не прощает.

– Василий Георгиевич, мы без этого Казантипского хама провести больного через приемное отделение никак не сможем. Он должен за барахло больного в журнале расписаться.

– Сам распишись. Скажи, что Виктор Иванович отстранил санитаря от работы.

– Да в приемном отделении старший фельдшер сейчас пошлет на хрен и меня, и вас, и Виктора Ивановича. У них инструкция. За ценные вещи и барахло расписываются СОПРОВОЖДАЮЩИЕ и работники приемного отделения. И отстранить санитаря от работы он может после того, как тот сдаст больного. Иначе там вони будет на всю неделю.

– Короче, Петр, я тебе передал указание шефа. Выполняй. Тащи этого колдуна в приемный, а кто там и за что будет расписываться, мне фиолетово. Но этого Гарри Барского чтоб я тут больше не видел.

– Гарик, чего ты взбесился? – хлопнул по плечу санитаря Петр, когда они вышли из кабинета. – Виктор Иванович

нормальный мужик.

– Я чего буду в коридоре с больным сидеть, пока он кофе с моей врачихой будет распивать. У меня что, дел других нет. Кобеляж устроили в рабочее время.

– Гарик, так это ж традиция. Виктор Иванович ни одну юбку не пропустит мимо себя.

– Вот в нерабочее время пусть и занимается бабами, – буркнул под нос Гарик.

– Ну, ты даешь, мужик. А может, ты сам на эту врачиху запал? Так это мимо денег. У нас с врачами разные орбиты. Санитарки и медсестры – наш контингент, а на врачих санитару смотреть не положено. Белая кость. С работы попрут в момент за разврат, за пьянку, за дебош. И что, классная баба?

– Да, бегают он за ней, бегают! – неожиданно влез в разговор колдун. – Вы бы видели, какая там врачиха! Персик. Но не видать ее тебе, как своих ушей. Она себе достойного мужчину найдет. С положением, деньгами. А ты всю жизнь в санитарках просидишь, ничтожество!

– А ну заткнись! – заорал санитар Петр. – А то эти три дня для тебя адом покажутся. Санитары решают, кому жить у нас, а кого в деревянный макинтош одевать. Гарик мужик правильный. Он себя показал здесь как надо. Не рви сердце, я переговорю с Виктором Ивановичем. Не станет он докладных писать.

– Не надо ни с кем говорить, и извиняться я за чужой ко-

беляж не буду, – отрезал Гарик. – Я сам все решу.

Колдуна завели в ванную. Сняли с него парик, отклеили бороду и раздели догола. Гарик сидел в коридоре на стуле.

– Сопровождающего сюда, – услышал он писклявый голос старшего фельдшера.

Гарик вошел в ванную комнату.

– Ты кого нам привез? Где его ксивы?

– Паспорт в истории был.

– Да, паспорт у меня в руках, – оборвал фельдшер. – Тут на фото пятидесятилетний старик, а больному и тридцати нет.

– Мне откуда знать, кто он. Какой паспорт предъявил, по тому и оформили.

– Так, записывай, первый косяк. Не твой. А теперь второй. Твой личный. У него нож выкидной в кармане халата лежал на пять пальцев. А это уже холодное оружие. Ты почему не обыскал больного перед поездкой?

– С ксивами разбирайтесь, а за нож отвечу. Моя вина. Пиши в приказ.

– погоди, Константин Михайлович, – обратился санитар Петр к старшему фельдшеру. – За нож его попрут с работы однозначно. А ножик хороший. Может, я возьму его себе?

– А если на нем кровь. Мокруху тоже возьмешь? – недовольно посмотрел на санитару Константин Михайлович.

– А насчет мокрух, колдовства и фальшивых ксив мы с колдуном сами поговорим. За три дня он нам всю правду

расскажет, или сдохнет в муках. Я правильно говорю, колдун?! Молчит. Значит, боится. Ментам не звони пока. Зачем людей по пустякам тревожить. И тебе совет, Гарик, в следующий раз шмонай больных по-взрослому. Константин Михайлович только со мной добрый, а с остальными он суров. И еще, на Виктора Ивановича буром не иди из-за бабы. Если он глаз на нее положил, то трахнет обязательно, и ты ничего не сделаешь. Он у мужей из-под носа баб уводит. Причем эти чужие жены сами виснут на нем, как виноград на ветках. Так что забудь ты про свою Алису из страны чудес. Считай, что ее уже отлюбил мой шеф.

– Так он тебя и послушает, – неожиданно влез в разговор голый колдун. – Да он из-за этой бабы удавит любого. А на него самого главная врачиха дурдома глаз положила, в кровать к себе затащить хочет.

– И все-то ты знаешь, колдун, и везде-то ты побывал. А у нас контора закрытая. Здесь болтунов-колдунов ой, как не любят. Особенно тех, кто про персонал сплетни распускает. Гарик, расписывайся в книге, и вали отсюда, пока Виктор Иванович твою бабу не женил на себе в рабочем кабинете.

Гарик быстро вышел из приемного отделения, подошел к машине.

– Алиса где? – спросил он у шофера.

– Кофе пьет.

Гарик прошел в экспертное отделение, нашел кабинет

председателя ВКК и без стука распахнул дверь.

Алиса мило болтала с Виктором Ивановичем.

– Больного я сдал. Мы уезжаем. Можете оставаться, если желаете.

– Подожди. Я сейчас выйду.

Ее «сейчас» растянулось на полчаса. Наконец, она появилась у машины в сопровождении Виктора Ивановича.

– Я остаюсь в Краснолиманске до завтра. Можете ехать без меня, – сообщила водителю Алиса Викторовна.

– А раньше сказать об этом нельзя было? – возмутился Гарик.

– Нет. Я только что приняла это решение. Так что прощайте.

10000 долларов за «Эликсир любви»

Алиса демонстративно взяла под руку Старкова и вернулась к нему в кабинет. Виктор Иванович вдруг почувствовал, что может сегодня добиться того, о чем мечтал уже несколько лет. Остановившись в центре кабинета, он стал целовать Алису нежно и ласково. Алиса не вырывалась и не отталкивала его, но и не отвечала на поцелуи. Ей нравилось играть со Старковым в любовь. Алиса то прятала губы от него, то вешалась на шею, прижимаясь всем телом. Старков попытался закрыть дверь на ключ, но Алиса страстным поцелуем остановила его на полпути.

Этот поцелуй был последним. Старков стащил с Алисы белый халат и стал расстёгивать молнию на ее платье. Руки его дрожали от нетерпения. Он сорвал с себя галстук, стал целовать грудь Алисы, и в этот момент распахнулась дверь и на пороге появилась Ядвига в сопровождении своего супруга.

– Ой, какая красивая грудь у девушки! – радостно произнесла Ядвига. – У вас хороший вкус, господин Старков. Вы продолжайте, мы вам не будем мешать. Мы можем выйти в коридор и подождать, когда вы закончите.

Алиса густо покраснела, спрятала грудь и застегнула мол-

нию на платье.

– Так нам уходить, или вы уже всё? – улыбаясь, спросил Казимир Бжежинский

– Мы вас внимательно слушаем, – решила ответить Алиса.

– Раз всё, тогда давайте знакомиться, – предложила Ядвига. – Старков, представьте свою прелестную спутницу.

– Знакомьтесь, моя бывшая студентка, а сейчас участковый врач-психиатр в Казантипе Алиса Викторовна Ковалева. Она по работе приехала, – смущенно проговорил Старков. – Ее по распределению в Казантип направили вместе с мужем.

– О, конечно, по работе. Это по-русски называется – товарищи по работе. Я не ошиблась?

– Алиса, а это Ядвига и ее супруг Казимир из Польши. Они в Краснолиманске проводят учебные семинары с врачами, журналистами, чиновниками. Рассказывают, как хорошо живет Европа. Гранты предлагают.

– Кстати, о грантах, Виктор Иванович, – расплылась в улыбке Ядвига. – Как говорят русские, нет худа без добра. Вашу заявку рассмотрело руководство нашей организации и решило поддержать фармакологическую тему по всем трем направлениям. Как мы и говорили, десять тысяч долларов господин Старков может получить прямо сейчас.

Казимир достал из черной кожаной папки плотный конверт с валютой и торжественно вручил его Старкову.

– Я надеюсь, мы компенсировали некоторые неудобства, которые причинили своим вторжением, – хитро улыбнулась

Ядвига. – Тем более, что мы здесь ненадолго. Кстати, Алиса Викторовна, у нас и для вас есть хорошее предложение. Я вчера была в Казантипе, будем проводить семинар для молодых специалистов. Могу пригласить вас и вашего супруга. Его куда распределили после института?

– Володя работает на заводе «Вымпел», – пояснила Алиса.

– Знаю я этот завод. Он стоит на выезде из города. Кстати, у нас есть серьезная программа по конверсии и грант для главного инженера.

– Володя не главный, он рядовой инженер.

– Да, да, мне говорили, Владимир Ковалев – подающий надежды инженер, – закивала головой Ядвига. – А сейчас я пойду к нашей машине и возьму кое-что вкусное для того, чтобы обмыть грант и наше знакомства.

Ядвига вернулась минут через пятнадцать с бутылкой шампанского, конфетами, апельсинами. Старков достал из сейфа бокалы, Казимир разлил шампанское по бокалам, а Ядвига раздвинула шторы на окне кабинета и открыла форточку.

– Душно тут у вас. Мне кислорода не хватает, – пояснила она. – А так лучше. Первый тост от Казимира. Он лучший тостующий в нашей компании.

Казимир встал, поправил галстук и, откашлявшись, произнес: «Первый тост за хозяина этого кабинета и за нашу совместную работу! Руководство нашей организации высоко оценило научные предложения моего друга. Некоторые

из них уже включены в специальные программы, а остальные предложения пока изучаются учеными в США и в Польше. Десять тысяч долларов – это наш первый грант большому ученому. Думаю, что в ближайшее время он сможет даже приобрести хорошую иномарку. И Алисе Викторовне я бы посоветовал быть более благожелательной к своему бывшему преподавателю. За Старкова, господа! За его победу в конкурсе!».

После первого тоста Старков предложил выпить за Ядвигу Бжежильскую.

– За прелестную даму, которая в трудное для нашей страны время нашла возможность поддержать морально и материально ученых и практиков демократической Украины! Благодаря таким щедрым меценатам, как Казимир и Ядвига, мы снесем все преграды и распрощаемся с кровавым коммунистическим прошлым. На земле нашей Украины мы построим новую демократическую страну, где не останется места ни памятникам Ленину, ни тоталитарному прошлому! – под аплодисменты собравшихся, завершил тост Старков.

Потом хозяева и гости сделали небольшой перерыв, поговорили о ближайших планах благотворительных фондов, после чего Ядвига попросила поднять бокалы за самую красивую женщину Украины, прекрасного врача-психиатра, достойную ученицу господина Старкова, Алису Викторовну Ковалеву.

После третьего тоста Ядвига направилась к двери.

– Все. Теперь самое время продолжить то, на чем мы вас прервали. Удачи и горячей любви вам! – проговорила она, покидая кабинет Старкова.

Проводив гостей, Старков попытался закрыть дверь на ключ, но Алиса остановила его: «Шампанское мы можем допить и при открытых дверях».

Старков наполнил бокалы и предложил выпить шампанское на брудершафт. Но сделать это им не удалось.

Разговор в машине о любви

Гарик такой подлости от Алисы не ожидал. Он сидел рядом с водителем и тупо смотрел на дорогу.

– Я ж тебе говорил, что этот Виктор Иванович ее любовник, а ты не верил, – продолжил разговор Костя. – У меня чутье классовое на измены. В общем, пролетел ты мимо врачихи, как фанера над Парижем.

– Еще неизвестно, кто пролетит! – буркнул под нос Гарик. – Меня на Слободке высадишь.

– И со Светкой ты пролетишь сегодня. Она баба тертая, до свадьбы не даст, иначе ты не женишься на ней. Она ж у нас девушка нетронутая. А после свадьбы всем по барабану будет, первый ты у нее или сто первый. Законная жена, блин. Моя тоже до свадьбы девушкой прикидывалась, а потом призналась, что я у нее уже пятый.

– Может, сто пятый? – поддел шофера Гарик.

– Нет. Она мне фотки первой пятерки показывала в альбоме. Да и опыта у нее в этих делах не было. Только на третий год в ней баба проснулась. А на первых порах доска доской в постели.

– Тебе видней. А я все равно Светку проверю сегодня на вшивость. Заодно и узнаю: врет она или нет, – махнул рукой Гарик.

– Проверять как будешь? По старинке или у вас особые

наработки имеются.

– Я женщин не насилую, – стал серьезным Гарик. – Я особые точки знаю на позвоночнике. Меня наш невролог иглотерапии учила. Если правильно надавить, женщины заводятся и без иголок, а девушки на эти точки не реагируют.

– И на ком ты проверял свои способности? На шизофреничках или психопатках?

– На ней и проверил. Она показала, куда давить, ну, я и надавил.

– И какой результат?

– Положительный. Ей понравилось. Она аж глаза закатила и задыхалась часто-часто, как во время бега, – пояснил Гарик.

– И это все? – удивленно посмотрел на санитаря Костя.

– А что я должен был с ней еще делать?

– Баба ж открытым текстом себя предлагала. Мол, кайф ловит. Бери, люби! – завелся Костя.

– Не тот случай. Ей уже под сорок, а замужем никогда не была и лечит иголками только баб.

– Ты как к ней попал?

– Лариса послала. Сказала, иди, учись. Пригодится в жизни, – пояснил Гарик.

– И Лариса была твоя первая пациентка?

– Ну и дурак же ты, Костя, – неожиданно взорвался Гарик. – Лариса главврач больницы. Если ей иголки пропишут – она к врачу пойдет. Я ей зачем?

– Слушай, Гарик, ты мне покажи эти точки, а я потом

на жене попробую.

– Приводи жену.

– Жена тебе моя зачем? – настороженно посмотрел на Гарика шофер.

– А как я их искать буду, на тебе, что ли?

– Так эти точки, что, не на одном месте у всех?

– У жены твоей в одном месте, у тебя в другом, но это еще не все. Давить на них тоже по-разному надо. На одну точку сильнее, на другую – чуть-чуть. Ну, что решил? Жену приведешь ко мне?

– И она должна будет раздеться перед тобой?

– А как иначе. Через одежду я не умею.

– Губу раскатал, чтоб я жену перед ним раздел догола. Иди, Светку лечи. Может, женит тебя за это?

Кто позвонил мужу Алисы?

Покинув кабинет Старкова, Ядвига не спешила домой.

– Зиновий, поставь машину так, чтобы мы видели окно в кабинете Старкова, и достань фотоаппарат с телеобъективом.

– Вы хотите запечатлеть на пленку половой акт Старкова с Ковалевой? – уточнил Зиновий, направляя объектив фотоаппарата в сторону окна.

– Нет, сейчас произойдет нечто более интересное, чем половой акт вышеозначенных граждан. А вот и он. Работайте, Зиновий. Это муж Алисы. Мне нужны четкие фотографии мужчин, которые сейчас устроят драку из-за этой сучки, – приказала Ядвига. – Ненавижу красоток, всех бы поубивала. Пока женщины с обычной внешностью с трудом занимают нижние ступени карьерной лестницы, эти сучки успевают добраться до самого верха, не имея ни достаточных знаний, ни опыта работы. И дорогу себе они прокладывают всем известным способом. И что ты снял?

– Все, что сказали. Муж Алисы с порога кинулся на Старкова и тут же получил в дыню. Сейчас лежит на полу. Возле него суетится Алиса.

– Прекрасно. А сейчас, Зиновий, вызови нашего таксиста и забудь в салоне такси диктофон. Нам этот диалог рогоносца с военного завода может пригодиться в будущем.

– Говоров мгновенно выскочил из машины и побежал к телефону-автомату.

– Ядвига, я так понял, что эту радостную встречу Старкова с мужем Алисы организовала ты? – поинтересовался Казимир.

– Нет, не я. Господь бог позвонил, – расхохоталась женщина. – Человек предполагает, а Ядвига Бзезинская располагает. На молоденькую потянуло старичка, а это чревато. Сердечко может не выдержать. Вот я и побеспокоилась о его здоровье, а он уже губу раскатал, что прямо на рабочем месте такую красавицу в зависимую позу поставит.

– Ты что, сама на Старкова глаз положила? – насторожился Казимир.

– Может, глаз положила, а может, и что другое. Казимир, похоже, ты ничего не понял. С сегодняшнего дня начинается второй этап подготовки операции «Пятая колонна для Окраины». А это значит, что у нас должно быть полное досье на каждого участника программы. И не просто досье, а реальный доказуемый компромат. Старков наш грантоед, а его любовница – член семьи секретносителя, инженера военного завода. А теперь вспомни, как ты ему представился во время знакомства?

– Как и всем, ученый из Польши, который занимается благотворительной деятельностью на Окраине.

– То есть, ты представляешь польский фонд.

– Конечно, я ведь с ним начинал работать в то время, ко-

гда Окраина была Советским Союзом. Поэтому, о ЦРУ с моей стороны не было и намека. Скажи, мы еще долго будем мозолить глаза службе безопасности психбольницы своими «Жигулями»? – спросил Казимир.

– Сейчас посадим эту сладкую парочку в такси и поедem домой.

Муки ревности

Выяснять отношения с Алисой ее муж начал еще в кабинете Старкова. Владимир вырвал из рук Алисы бокал с шампанским и разбил его о стол, после чего бросился с кулаками на Старкова, но тут же получил сильнейший удар в челюсть. Удар Старкова был жестким и резким. Владимир упал на пол и на несколько минут потерял сознание.

– Алиса, бросай его. Тебе нужен такой муж, как я, а не это ничтожество, – целуя на прощание Алису, проговорил Старков. – Я тебе позвоню, милая.

Владимир с трудом приходил в сознание. У него кружилась голова, и он не мог самостоятельно встать на ноги. Увидев Алису, Владимир горько заплакал.

Алиса бросилась успокаивать мужа, она целовала его в губы, гладила по голове, а потом, как маленького ребенка прижала к своей груди. Минут через двадцать Владимир смог встать на ноги.

– Поехали домой. Я не могу здесь больше находиться. Ты мне изменила в этом кабинете с жалким немощным стариком. Ну, что ты в нем нашла. Он старый, дряхлый и уже ни на что не способный.

Алиса усадила Владимира в такси и стала успокаивать его, но супруг, почувствовав себя в полной безопасности, неожиданно схватил ее за горло и стал кричать на жену.

– Объясни, что с тобой происходит!?! – орал Владимир. – На второй день твоей работы в больнице ты уже целовалась с санитаром. Объясняла это тем, что он тебе жизнь спас. Но санитару ты не понравилась, и он тебя бросил, нашел себе молодую, красивую медсестру. А ты, вместо того, чтобы подумать о семье, тут же летишь в Краснолиманск к своему старому любовнику. После юного санитаря тебя, что, на старичка потянуло? Ему уже за сорок, и это при молодом муже, от которого ты «умираешь в постели». А может, ты притворялась все эти годы и не любила меня?

Потом Володя горько плакал, а Алиса целовала его и просила продолжить разговор дома.

Открыв дверь, супруг втолкнул Алису на кухню и стал снова задавать те же вопросы, что и в такси.

– Володя, успокойся. Я хотела переночевать у своих родителей.

– У родителей?! – подскочил с кулаками к Алисе Владимир. – Почему ж я тебя нашел в больнице, в его кабинете, с бокалом шампанского в руках, а не у постели больной мамы?!

– У меня дела были.

– Какие у тебя могут быть дела в Краснолиманской больнице с бывшим преподавателем мединститута?

– Я в Краснолиманск колдуна привезла. Надо было решить кое-какие вопросы.

– Что ты мне врешь! Какие вопросы. Этого колдуна дол-

жен был везти санитар, и на эту поездку ты сама напросилась! Сама! Мало того, ты почему-то села не на врачебное место, а рядом с больным, выгнав из салона машины санитаря. Интересно, о чем ты с ним говорила в дороге и что тебя связывает с колдуном?

– Ничего меня с ним не связывает, – отмахнулась от подозрений в измене Алиса. – Я устала и хочу спать.

– Ах, ты устала, ты хочешь спать. Скажи мне, только правду, ты сегодня это и своему старому преподу сказала бы? Или эта отмазка только для законного мужа?

Владимир неожиданно схватил жену за волосы и поволок ее в спальню. Алиса отчаянно сопротивлялась, но Владимиру все же удалось дотащить ее до кровати. Он швырнул ее на спину и в истерике стал избивать жену, крича:

– Говорила мне мама, что мы не пара, что ты будешь изменять мне потому, что до свадьбы таскалась с мужиками! Ты зачеты Старкову в постели сдавала и на свадьбу всех своих любовников притащила, чтоб они смеялись надо мной, потому что делали с тобой все, что хотели! Говорила мне мама, чтоб я непорочную девушку в жены брал, чтобы первый у нее был и единственный. А я не послушался. Шлюху выбрал красивую, тварь неблагодарную из хорошей семьи!

В этот момент Алиса осознала, что ненавидит своего мужа.

«Ничего, я припомню ему эту ночь, – думала Алиса, сжимая зубы. – К Виктору Ивановичу приревновал. Не стала б я

с ним спать, потому что Виктору Ивановичу женщина нужна только на одну ночь, потом от него ласкового слова не услышишь. А вот в любовь с ним можно играть годами. Пять лет я ему голову крутила в институте. Все зачеты и экзамены на отлично сдавала за один поцелуй, в то время как другим отрабатывать экзамены приходилось у него в постели по полной программе».

По правде сказать, мужчин у Алисы было немного. Причем большая часть ее бурных романов с однокурсниками закончилась после знакомства с молодым аспирантом.

Володя был настоящим интеллигентом, дарил цветы, водил Алису в театры, на концерты, и не форсировал отношений. Ему доставляло огромное удовольствие гулять по улицам города с красавицей невестой и ловить на себе завистливые взгляды мужчин. И только перед свадьбой он неожиданно при своей мамаше завел разговор о том, что хотел бы жениться на девушке, не познавшей мужских ласк.

Алиса хотела вначале обмануть его в постели, но потом решила поставить на место обнаглевшего «ботаника».

– Мне за свое прошлое не стыдно, а если ты ищешь для семейной жизни девственницу – фонарь тебе в руки. Свободен.

После этого разговора Владимир целую неделю ползал на коленях перед Алисой, вымаливая прощение за глупые слова. Эта неделя и стала началом конца их семейной жизни, вернее, раз и навсегда выстроила особые отношения в семье.

Володя страстно любил Алису и не видел своей жизни без нее, она же великодушно позволяла себя любить.

– Володя, успокойся, я тебе не изменяла. Я люблю тебя. У нас сын...

– Сына вспомнила, а может, это не мой сын? Я же тебя накануне свадьбы с бывшим любовником застукал в кафе. Ты ж мне говорила, что давно порвала с ним. А тут захожу в кафе, а там моя Алиса вместе с этим ничтожеством кофе пьют!

– Я тебе сто раз говорила. С этим мальчиком я встречалась до тебя. А потом мы расстались навсегда. И в кафе я со Славиком встретила случайно.

– Да ты спала с ним, и с санитаром, и со Старковым, и со студентами-однокурсниками. Ты – шлюха! – Владимир уткнулся лицом в подушку и громко зарыдал.

«Какой ужас, у меня муж психопат-истерик! – неожиданно осознала Алиса. – Его лечить надо, а я дура с ним в любовь играла. Глаза закрывала, Гарика на его месте представляла, и он увидел меня настоящей страстной, желанной, любимой. Я же с ним никогда такой не была. Как все было просто в теории. Закрывает глаза и представляешь себя в объятиях любимого мужчины. Ну, кто догадается, что ты отдаешься не надоевшему мужу, а своим фантазиям? И вот результат. Доигралась! Теперь, я – шлюха! Он понял, что я ему опять изменяю. Как тогда в кафе. Накануне свадьбы я пришла к своему любимому мальчику, плакала у него на груди,

просила прощения и любила его, любила, любила! Плакала и любила! Мне нужно было тогда бросить все и уехать с ним навсегда. Но я не смогла, у меня же жених из хорошей семьи, кандидат наук. Перспективный, солидный, а то, что не любила я его – это мелочи».

Алиса вспомнила слова своей мамы:

– Я за твоего папу тоже без любви выходила замуж. Симпатичный, умный, из хорошей семьи, не пьет, не курит. А у меня такие красавцы до него были: артисты, поэты, художники. И ничего, живем без истерик и скандалов, дочь вырастили красавицу...

Минут через десять Володя перестал плакать и, посмотрев на Алису, продолжил свой нескончаемый монолог о женской чести, супружеской неверности и опасности, которые таят в себе случайные связи. Алиса его не слушала и даже сделала вид, что уже заснула. Но тут на Володю что-то нашло. Он сорвал с нее халат и попытался изнасиловать собственную жену.

– Тебе в постели настоящий мужик нужен, – орал он. – Сильный, смелый, наглый. Сейчас ты его увидишь. Я покажу тебе, на что я способен! Тебе понравится, потому что ты шлюха ненасытная!

Алиса вначале яростно сопротивлялась, а потом закрыла глаза, чтобы не видеть обезумевшего супруга. Он был ей противен!

Утром Алиса Викторовна молча позавтракала, сделала новую прическу и, бросив мужу «Сегодня за мной не приходи», выскочила на улицу.

Ей было по-настоящему плохо. Она вдруг осознала, что живет с самым настоящим психопатом, который считает ее шлюхой. Уж чего-чего, но этих слов от мужа она не ожидала.

«Ну, ничего, я ему покажу „шлюху“. Он теперь все получит! Жаль, что мой любимый мальчик уехал в Сибирь! – думала Алиса. – Он бы меня понял, приласкал и полюбил нежно и ласково».

Недалеко от больницы неожиданно дорогу Алисе преградил молодой красивый мужчина в дорогом костюме. Он спросил, как пройти в библиотеку. Алиса остановилась, оценивающе посмотрела на незнакомца и сказала с издевкой в голосе: «Вы можете произнести другие слова?».

– Мужчина тут же упал на колени и продекламировал поактерски громко: «Я вас люблю!»

– Достаточно, – улыбнулась Алиса и деловой походкой направилась в сторону больницы. Когда она вошла в диспансер, парень, прочитав вывеску, нерешительно остановился, а потом развернулся и, втянув голову в плечи, ушел в сторону моря.

Алиса с интересом наблюдала за незнакомцем через окно своего кабинета. Мужчина ей понравился.

– Значит, у меня все еще все впереди, – тихо произнесла она.

Но впереди ее ожидало не романтическое свидание с таинственным незнакомцем, а поездка к художнику Старовойтову.

Компромат на Алису

Казимир сидел за столом и вместе с Говоровым рассматривал фотографии.

– Красивая баба, – тяжело вздохнул Казимир. – Я бы ей въехал с превеликим удовольствием. Жаль, грудь ты ее не снял. У нее такая грудь, мечта. Всю ночь она мне снилась.

– Так штора же была закрыта вначале, – напомнил Говоров. – Но и тут есть фотки интересные. Смотрите, как она целует своего мужа. Если б меня так жена целовала, я б ее всю ночь по кровати гонял. А муж ее оскорбляет, шлюхой обозвал.

– Козел он конченный, – продолжил Казимир. – Если б у меня такая баба была, я б с нее пылинки сдувал.

– А ну-ка отойди от стола сдуватель пылинок, – заорала неожиданно появившаяся в комнате Ядвига. Она была в ярости. Лицо красное, злое, а ее длинный горбатый нос стал фиолетовым. – Заехать он ей захотел. На чем ты ехать собрался? На простатите своем хроническом? И второй, подтягивает тут. «Если б я была царица, – я б для батюшки-царя родила богатыря». Иди, роди ей богатыря, Говоров. Да она на таких уродов, как вы, и не посмотрит. Нужны вы ей, очень. У нее пацан 18-летний в любовниках, тот, что с психом бежал по больнице. Вот это мужик. Зиновий чуть в штаны не наложил, когда психа того со стеклами в руках увидел,

меня бросил и бежать. А любовник Алисы с психом за ручку с третьего этажа спустился и в машине с ним один поехал. Я представляю, что этот пацан с Алисой ночами вытворяет.

– Ядвига, успокойся, она тебе не конкурентка, – улыбнулся Казимир. – И чего завелась с утра. Ну, сидят два мужика, лясы точат.

– Казимир, не зли меня. Я и так ночь не спала из-за этой стервы. Если б у меня мужик под боком был настоящий, то успокоил бы женщину народным средством. А у меня муж профессор с хроническим простатитом. Ну, почему одним все от рождения, а другим из-за внешности стену лбом пробивать приходится, чтобы чего-то добиться. Ты знаешь, сколько нервов и ночных истерик мне стоила эта должность. А такие, как эта Алиса, ножки раздвинули перед нужным начальником, и сразу в дамках. Это справедливо, по-твоему? Даже вы, два уroda, сидите здесь и грудь ее обсуждаете. Не мою талию, не мои бедра, не мою грудь, а этой Алисы. А моя грудь ничем не хуже, и размер лифчика такой же.

Ядвига расстегнула кофточку и стащила с груди лифчик.

– Ядвига, у тебя классная грудь, ну кто спорит, – улыбнулся Казимир. – И бедра, и талия. Я ж от тебя ночами с ума схожу.

– Тебе только мой нос мешает целоваться, а так все ничего, – успокаиваясь, проговорила Ядвига. – А Старкова она там тупо динамила. Если б она хотела этого старичка, то двери бы закрыла на замок. Она себе на уме, а Старков повелся,

как пацан.

– Дальше что делать будем? – спросил Казимир.

– Сегодня же фото и аудиозапись отправишь в посольство. Пусть изучают. Очень перспективная дамочка, – перешла на деловой тон Ядвига. – Ее под ВИП-клиентов подкладывать будем, да и мужа-психопата можно привлечь к общественно полезному труду на военном заводе за небольшие деньги. А мне всю информацию про этого Гарика: друзья, любовницы, компромат. Может, убил кого из больных или покалечил.

– Ядвига теперь на пацана запала!? Отбить любовника у Алисы хочет? – поддел жену Казимир. – И когда ты уже насытишься мужиками!?

– Пошли, Казимир, пошли!

– Куда? – удивленно посмотрел на Ядвигу муж.

– Пошли, насыщать меня будешь, чтобы я хоть раз в жизни удовольствие в постели от тебя получила. И помощника бери. Я с двумя сразу согласна, а то поодиночке что один, что другой – полный ноль. Языки они чешут по утрам, бабу красивую увидели.

Казимир поднялся и как нашкодивший школяр пошел вслед за Ядвигой. Говоров остался в комнате.

Разговор с главврачом о «голубых»

– Жалобу нам переслали из МВД республики на Руслана Старовойтова, – протянула Алисе после окончания пятиминутки письмо с красным штампом Лариса Ивановна. – Сосед пишет, что Старовойтов поселил у себя в комнате непрописанного мужика. Цитирую: «Днем и ночью они спят в одной кровати и занимаются половым развратом».

– А мы тут при чем? – недовольно спросила Алиса Викторовна. – Пусть милиция разбирается, кто с кем спит.

– Руслан Старовойтов отсидел в тюрьме семь лет за мужеложство. В деле есть заключение судебно-психиатрической экспертизы. Диагноз: шизофрения, простая форма. На учете, как социально опасный. Карточка с двойной красной полосой. В анамнезе – нападение на персонал. Поедешь с Барским. Шизофреника забирать надо. Вопросы есть?

– Я не поеду с Барским.

– Почему?

– Я не поеду с этим клоуном, он после работы передо мной устраивал цирковые представления с медсестрой из хирургии, – взорвалась Алиса Викторовна.

– Ревнуешь пацана к молодой девке. Знал Гарька, чем тебя достать можно. Хороша сестричка: молодая, глупая и целуется с душой, аж дрожит от страсти. Завидуешь?

– У меня муж есть. Почему я должна кому-то завидовать?

– Значит, с мужем у тебя полное взаимопонимание. Тогда объясни, почему ты вчера захотела остаться в Краснолиманске? – вплотную подошла к Алисе главврач.

– Потому что рабочий день закончился, и я хотела родителей проведать.

– Мне-то не ври. Что тебе колдун наплел про Гарика?

– Я не буду обсуждать эту тему.

– Твое право. А мне Гарик нравится. С шестнадцати лет мальчик у меня на глазах. Ждала, когда он настоящим мужчиной станет, а тут ты нарисовалась.

– Так это ты вчера позвонила моему мужу?

– Нет. Твой Виктор Иванович для меня пройденный этап. Ухаживает он, конечно, красиво, но в постели не очень. Возраст. А Гарик молодой, красивый, сильный...

– Погоди, ты что, на Гарика глаз положила? – подозрительно посмотрела на главврача Алиса.

– Не могу ж я своего сотрудника отдать в неумелые руки хирургической медсестры. Гарику нужна опытная женщина-психиатр, красивая, умная.

– Ты надо мной издеваешься? – взорвалась Алиса.

– Ты же влюбилась в него по самые уши, и эта любовь тебя скоро до психушки доведет. Я разве не понимаю, что ты вчера осталась в Краснолиманске, чтобы отомстить Гарику за медсестру. Правду скажи, Гарик по ночам снится? – обняла за плечи Алису главврач.

– И что будет, если я скажу, что снится? На электросон от-

правишь или уколы от любви назначишь? – взорвалась Алиса.

– Нет. Это не поможет. Работайте вместе, бог с вами. А Виктора Ивановича оставь в покое. Он старый для тебя. Какой из него любовник?

– У меня с ним ничего не было ни сейчас, ни в институте! – гордо подняла голову Алиса.

– Знаю я, что ты его пять лет динамишь, но только вечно это продолжаться не будет. Он найдет способ, как затащить тебя в постель. Старков в этом деле профессионал. А сейчас езжай к Старовойтову с Гариком.

– Лариса, скажи честно, почему ты меня с Гариком все время посылаешь к извращенцам и убийцам? Старовойтов живет на втором участке. Почему я должна оформлять его в больницу? О нем по «Свободе» говорят, по «голосам» разным. Он известный художник. Ты хочешь, чтоб и обо мне стали говорить на радио «Свобода»?

– Какой он художник, я не знаю, но в психбольницу Старовойтов попал за дело. У нас невиновных не сажают. Первый раз его с поличным, голым в постели с 18 – летним студентом, взяли при понятых. Вот и загудел в тюрьму Старовойтов.

– Хорошо. Есть жалоба на художника, но я какое отношение к Старовойтову имею? Это же не мой участок.

– Правильно, не твой, но Шполянскую я не могу послать к Старовойтову.

– Почему?

– Потому что Раиса Васильевна не найдет оснований для его помещения в психбольницу, а я не хочу нарываться на скандал. Есть установка негласная по линии МВД: «голубых» – каленым железом! А тут еще ветеран милиции возбудился из-за того, что ему общей ванной пользоваться приходится с каким-то педерастом. Да и показательные поцелуи у дверей больницы пора прекращать. Мне это тоже не нравится.

– И каким образом их можно прекратить? – подошла вплотную к главврачу Алиса Викторовна. – Бросить мужа и повести Гарика в ЗАГС?

– Нет. Взять его за руки и поцеловать.

– Но для этого не обязательно ехать к «голубым», – возмутилась Алиса. – Я могу его поцеловать хоть сейчас в твоём кабинете, на твоих глазах.

– На голубом фоне Гарик смотрится лучше. Надеюсь, ты понимаешь, что это шутка. Письмо из МВД закрыть нужно сегодняшним числом. Шполянская дотянула до последнего.

– Лариса, как ты думаешь, а Гарик спал с этой медсестрой? – неожиданно спросила Алиса.

– Нет, мне рассказали девчонки из хирургии, что эта двадцатилетняя дура из себя девственницу изображает. Думает, что таким образом сможет захомутать неопытного в этих делах мальчишку.

– Она, что, и вправду девушка? – удивленно посмотрела

на Ларису Ивановну Алиса.

– Девушка из хирургии!?! Ты видела, какой кобеляж хирурги устроили при твоём появлении.

– Думаешь, врет медсестра?

– Там один Фридман чего стоит. Ни одной юбки мимо не пропустит. Кстати, он говорил, что научился восстанавливать девственность хирургическим путем, так что у Гарика есть шанс взять в жены никем не тронутую. Правда, после вчерашнего я уже гарантировать ничего не могу. Костя вчера Гарика на Слободке высадил. И что он делал с этой сестрой милосердия ночью, не знаю.

– Я поговорю с ним на эту тему, – направляясь к двери, пообещала Алиса.

– Перед тем, как поехать к Старовойтову, Гарика пришли ко мне на инструктаж. И в санитарские дела больше не лезь. Твое дело в стороне стоять и наблюдать за этим «голубым» цирком.

Спецоперация «голубой журналист»

Через пять минут в кабинете Ларисы Ивановны появился санитар.

– Явился, не запылится, герой-любовник, – с издевкой в голосе произнесла главврач. – И как ночь провел? Понравилась медсестра? Все умеет или чему-то учил никем не тронутую!?

– Я дома ночевал.

– У тебя удостоверение дружинника с собой? – перешла на деловой тон Лариса Ивановна.

– В кармане.

– Покажи.

Гарик передал удостоверение главврачу.

– Командир оперативного комсомольского отряда, – прочитала вслух Лариса Ивановна.

– Задерживать правонарушителей имеешь право?

– Конечно. Наш отряд – добровольная народная дружина при угрозыске, – пояснил Гарик. – А чего надо?

– Художника Старовойтова в больницу привезти.

– При чем здесь удостоверение? Он у нас на учете стоит? Только Шполянская его не положит. Напрасные хлопоты. Она всех «голубых» считает нормальными.

– С Алисой Викторовной поедешь.

– Это подстава, Лариса Ивановна. Шполянская ей художника не простит. Она сожрет молодую! – возмутился Гарик.

– Ты мне еще за поцелуи у ворот больницы ответишь. Представление устроил для одного зрителя, и туда же, советы дает. Направление Старовойтову оформит Алиса Викторовна. Закроем на трое суток, а там решим. Людей из МВД его любовник интересуется. Пора на учет ставить.

– Так их на горячем брать надо, – засомневался Гарик.

– Вот и бери прямо в постели. Короче, когда эти двое начнут, сосед взламывает дверь и первым войдет в комнату Старовойтова, следом за ним – возмущенная общественность. И только после них ты с удостоверением в руках. Громко, чтобы все слышали, объявишь, что ты дружинник, и удостоверение покажешь свидетелям.

– Лариса Ивановна, я не въехал. Зачем так понтовать? Я этих «голубых» и без удостоверения заламаю.

– Мне заламывать там никого не надо. Журналист Ляжко – на учете не состоит. Надо сделать так, чтоб он на тебя, на дружинника, напал, сопротивление оказал, драку устроил. Короче, совершил противоправные действия в отношении народного дружинника в присутствии свидетелей. Теперь понял?

– Понял. Так мы этого Ляжко на живца брать будем. А я все думал, чего этого Старовойтова через полгода из психушки выпустили? Его б могли лет на десять закрыть после

МОЕГО ВИЗИТА С МЕНТАМИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.